

Г. Ф. 28

Цена 20 коп.

**О ПРЕМИЯХ
И ПРИЛОЖЕНИЯХ
К ЖУРНАЛУ**

„ВОКРУГ СВЕТА“

Подписчики участвуют в розыгрыше следующих премий:

3 радио-аппарата.	12 пар буц.
3 фотографических аппарата.	12 пар лыж.
6 велосипедов.	30 пар коньков.
10 самопишущих перьев.	30 рыболовных наборов (лески, поплавки, крючки, сачки, переметы и т. п.).
10 кошельков-портмоне.	100 перочинных ножей (с несколькими лезвиями).
12 карманных часов.	
12 футбольных мячей.	
- 3 поездки: КРЫМ, КАВКАЗ, УРАЛ** (билет и деньги на дорогу) лучшим распространителям журнала.

~~~~~ Все подробности даны в № 2. ~~~~~

ПРИЛОЖЕНИЯ на 1927 год:

6 книг: „ПО СУШЕ, МОРЮ И ВОЗДУХУ“.

(Содержание этих книжек — ряд увлекательных путешествий и всевозможных приключений во всех уголках мира).

2 книги: А. Конан-Дойль „СТРАНА ТУМАНОВ“.

(Новое захватывающее путешествие в загадочную страну. Если уже один текст романа сгм по себе настолько интересен, что читатель не может от него оторваться, то прекрасные иллюстрации еще более усиливают и без того сильное впечатление от нового произведения известного англий-ского писателя).

2 книги: Т. Бриджес „КНИГА ОТКРЫТИЙ“.

(Живое и увлекательное повествование о том, как человек постепенно «открывал» свою землю с самых седых времен до настоящего времени).

**4 книги: Марк Твэн „ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА“.
„ПРИКЛЮЧЕНИЯ ФИННА“.**

(Эти блестящие произведения американского писателя даются в новых переводах и с совер-шенно новыми иллюстрациями).

1 книга: „ПОБЕГИ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ“.

К 10-летию ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

(Богато иллюстрированный сборник, который расскажет читателю о том, какими разнообразными путями удавалось революционерам разных стран бежать из ссылки или из русской, немецкой, фран-цузской и т. д. тюрьмы).

1 книга: „СОВРЕМЕННАЯ АНГЛИЯ“.

(Альбом художественно исполненных картин и видов, иллюстрирующих жизнь Англии в наши дни).

1 книга: „ВЕЛОСИПЕД“. Устройство, езда, уход.

(Настольная книга для всякого начинающего и даже старого уже велосипедиста. Описаны все последние модели и все последние усовершенствования. Даны и чисто спортивные сведения).

Условия подписки:

С приложениями:				Без приложений:			
На один месяц	—	р.	—	к.	На один месяц	—	р. — к.
„ три месяца	2	„	—	„	„ три месяца	1	„ 10 „
„ шесть месяцев	3	„	80	„	„ шесть месяцев	2	„ 20 „
„ двенадцать месяцев	7	„	—	„	„ двенадцать месяцев	4	„ — „

Подписку адресовать: Ленинград, Фонтанка, 57, Изд-во „Красная Газета“

ЖУРНАЛ
ПУТЕШЕСТВИЙ,
ОТКРЫТИЙ,
ИЗОБРЕТЕНИЙ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ.

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА:

Лер. Фонтанка, 57.

„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

Тлф. 175-38.

Вокруг Света

№ 6

1927 г.
АПРЕЛЬ
30

ГОД ИЗДАНИЯ ПЕРВЫЙ

Содержание: В. Тан. Старые и новые. („Ружейная Дука“). — Дж. Руссель „Рабовладельческая шкура“. — М. Лоскутов. „Лесной дом“. — Т. Вивьен. „Самосожжение“. — Ю. Баратов. „Хижина дяди Тома“. — В. Дикзе. Что такое двигатель внутреннего сгорания? и др.

Что это такое?

«Не мудрено догадаться, что это либо новая противогазовая маска, либо обычный авиационный шлем! — ответит мысленно иной читатель на поставленный в заголовке вопрос. И если ответит так, жестоко ошибется.

Данная маска не имеет ровно никакого отношения к войне, ядовитым газам и противогазам, ибо она является чисто спортивной маской футболиста, который в горячей схватке хочет уберечь свой нос и голову от могучих ударов мяча.

В современной жизни Европы и Америки, чуть ли не каждую неделю появляется какая-нибудь новая защитная маска с совершенно неожиданной целью. Изобретается маска для лыжника, который устанавливает в зимнюю пору новый рекорд дальнего пробега; маска облегчает ему дыхание и уберегает от простуды. Надевает особую маску любитель морского плавания, чтобы предохранить свои глаза от ослепительного южного солнца или соленых брызг прибоя.

Дело не ограничивается, конечно, одним спортом. Еще больше самых разнообразных масок предлагается для различных отраслей труда. Так, напр., каждый год патентуется несколько водолазных масок, дающих полную возможность производить в морской глубине сложные технические работы. А сколько новых специальных масок создано в других областях жизни — это легко увидеть на следующей странице.

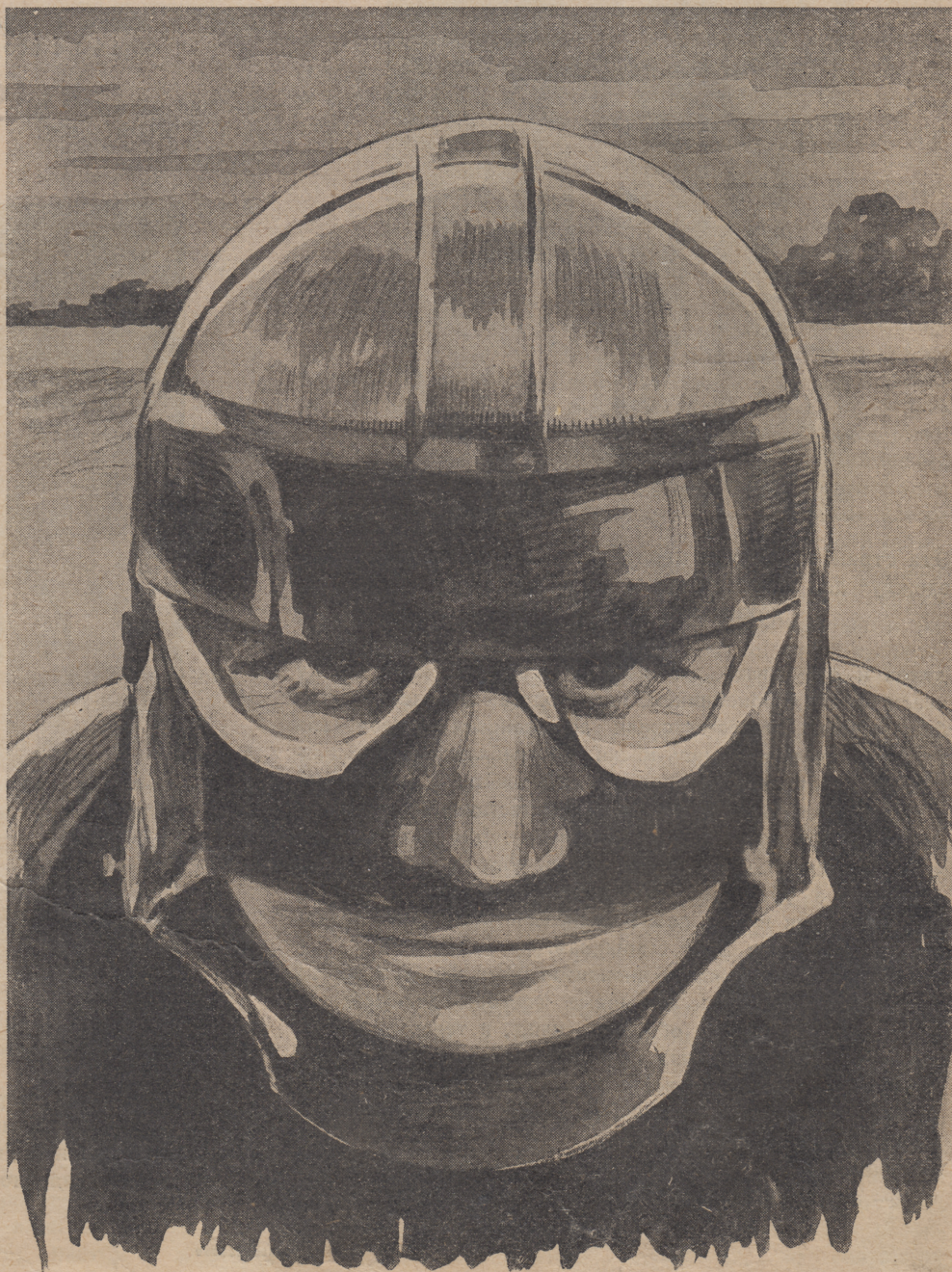

Рис. худ. П. Королева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. РУЖЕЙНАЯ ДУКА.

На далеком севере, в рыбацкой заимке Веселой, на берегах Колымы, родилась и выросла Дукa (искаженное русское имя Дунька), которую за смелую и удачную охоту прозвали „Ружейной Дукой“. Однажды, к заимке подъезжает лодка с политическими ссыльными, один из которых, Викентий Авилов, решает остаться в заимке. Его спутники уезжают, а сам он начинает интересоваться девушкой-охотницей, которая продолжает, однако, держаться особняком.

ГЛАВА IV.

Два дня и две ночи Дукa не являлась у заимки на домашнем берегу. Викентий все заглядывался вдаль на широкую воду, не гребет ли с заречного берега знакомая черная лодка. Лодки приходили, но не такие, как надо.

На третий день около полудня вместо одной лодки вдали показались четыре. Они были странного вида и на каждом носу неясно мелькали какие-то особенные мачты, кривые, с ветвями. — Сохатые плывут, — раздался волнующий клич.

То была семья лосей, переплывающих реку. Ветвистые мачты были попросту высокие головы зверей, увенчанные ветвистыми рогами. Такие переправы через реку случаются нередко, порою у самых поселков. Когда нападает комар или овод, полуослепленные звери готовы вскочить в охотничий костер или забежать в избу.

Поселок загудел, как потревоженный улей.

— Сохатые, мясо!..

В летнее время все поречане питаются рыбой, но мечтают о мясе чувственно и страстно, порою почти до истерики. Ибо жирная рыба приедается даже собакам.

Люди сходили с ума от азарта. Ведь это была добыча с горячей кровью, мясистая, живая, какая зажигает охотничий пыл у самых ленивых и старых. И по старой примете, выпустить ее из рук — значило выпустить счастье и на целое лето привлечь на поселок охотничий урос (неулачу)...

Старики и подростки, все, кто только имел руки, чтобы взяться за весло, посматывали с горки на берег. Лодки, челноки, душегубки, отчаливали одни за другими на широкую вольную воду. Женщины, дети, собаки бежали по берегу с криком.

Увлекаемый общим движением, Викентий Авилов тоже сбегал к берегу, но все челноки и легкие «неводные» лодки были разобраны. Не долго думая, он сбросил куртку, столкнул в воду большую «кочевную» лодку, назначенную для перевозки груза, сел «в греб» и поехал наперерез к рогатой добыче. Он греб по-«российски» широкими редкими взмахами, в отличие от местного приема «мельницей», частой и мелкой, с каждым взмахом «сушил» весла и снова налегал с удвоенной силой. Трещали уключины, подозрительно

скрипели жидкие набои, сшитые лозой, но лодка «бежала прогоном», прямо, как по шнуру, поминутно выскакивая носом из воды не хуже плывущего лоса. И мало-по-малу Викентий Авилов стал обгонять весельчанских гребцов в их легких челноках. Они смотрели на него с удивлением и даже со страхом. Длинные кочевные гребни в руках Викентия Авилова стали рычагами совсем необъятных размеров, и другие поневоле сторонились от него, как сторонятся мелкие шхуны от черного большого парохода.

Головы сохатых выступали над водою яснее и яснее. Они казались на воде неестественно большими, и ветви рогов были, как сучья деревьев, унесенных вниз половодьем. Звери беспокойно поводили горящими глазами. Они вздрогнули, остановились, заметив наконец флотилию судов, наезжавших от берега. Но самые проворные охотники в легчайших челноках уже описали огромный полукруг и теперь заезжали с тыла, с заречной стороны. От острова Косого, с Чиркинской тони, тоже выплыли трое в узких душегубках, из тоненьких досок, не толще бумажного картона. Такие душегубки называются «ветками». Они сшиваются волосом из трех длинных досок и весят не более пуда. Лоси нерешительно остановились в середине струи, не зная, что делать. Челноки налетели, как осы. Длинные изогнутые весла с двойными лопастями были вооружены тоненьким железным копейцем, похожим на жало, и охотники могли тем же взмахом гребнуть и нанести удар. Впереди всех в узенькой «ветке», похожей на длинную коробку, мчалась Ружейная Дукa. Черные волосы ее выбились наружу из-под алого платка и висели по щекам направо и налево. Одна прядь, необычайно длинная, повисла через борт и с каждым движением «ветки» погружалась в рассекаемые волны.

— Агай, агай! — вырывался из звонкого горла старинный охотничий клич, усвоенный русскими, должно быть, от чуванцев.

Викентий тоже подъехал вместе с заречными. Он выбрал себе самого крупного лоса, схватился за карман и тут только заметил, что оставил кожаную куртку на берегу вместе с оружием. При нем не было даже ножа, хотя бы перочинного. Он вскрикнул от досады, глаза его гневно блеснули, и плавным ударом своих длинных гребей он разогнал «кочевную» и наехал огромному зверю прямо на спину. Зверь, беспомощный в быстро текущей воде, погрузился под воду, потом вынырнул и стал поворачивать в сторону, фыркая и отдуваясь. Но дерзкий охотник протянул свои длинные руки и схватил огромную добычу за широкие рога. Лось даже не отбивался, быть может, он чувствовал силу клещей, нажимающих на голову сверху. И так они поплыли вниз по воде, странно соединенные вместе, охотник и лодка и живая добыча совершенно невредимая, но связанная быстро текущей ризой воды.

— А-ла-гей!

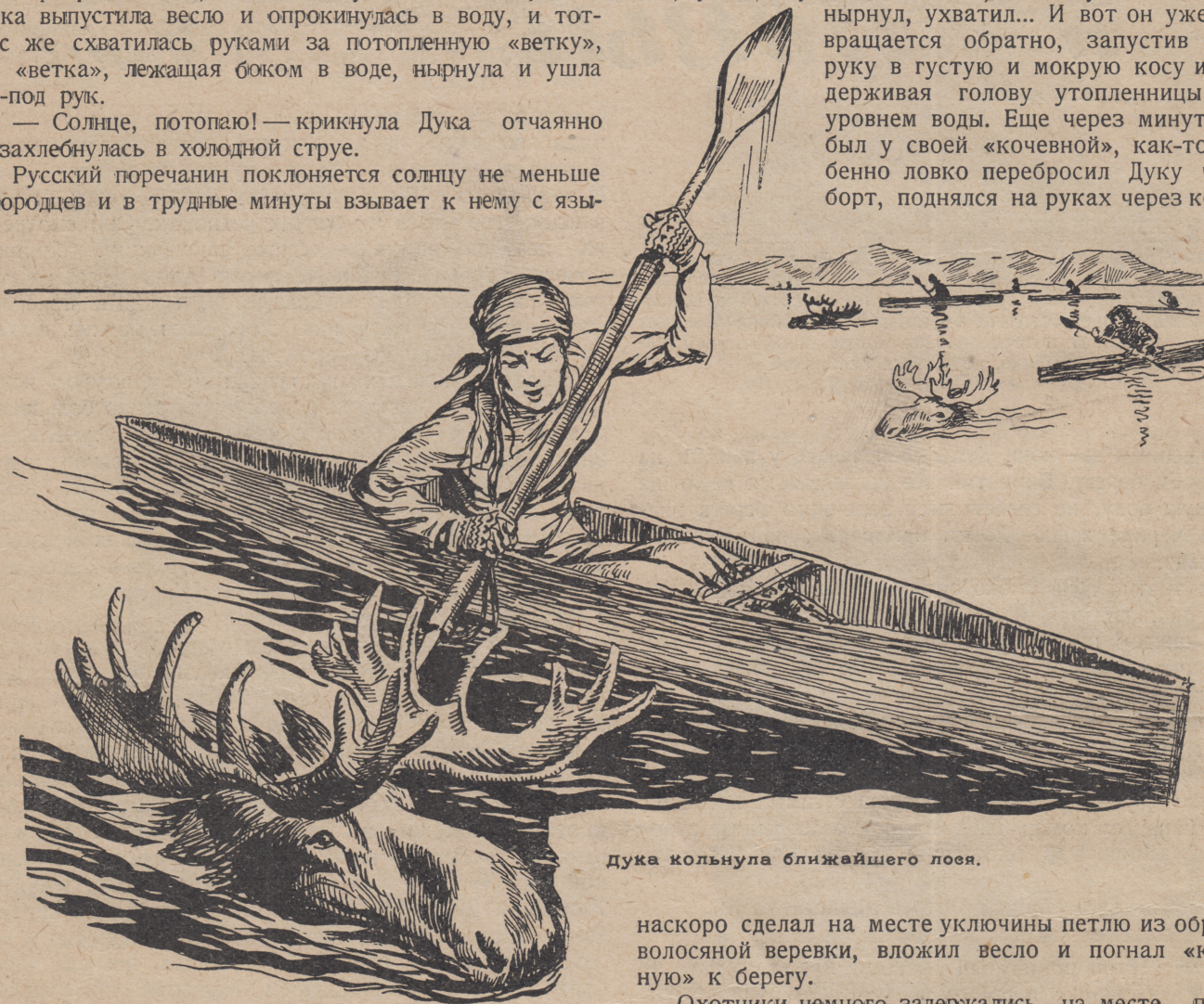
Ружейная Дука черкнула левой лопастью весла по воде, скользнула вперед, как будто дно ее «ветки» было натерто маслом, а правую лопастью кольнула ближайшего лося под левую лопатку. Зверь захрипел и ткнулся головой в воду, потом опрокинулся на бок. Мелькнуло беловатое брюхо, длинные ноги брыкнулись предсмертной судорогой, и одна из них задела за борт челнока бесстрашной охотницы.

Борт раскололся, как стенка у спичечной коробки, Дука выпустила весло и опрокинулась в воду, и тотчас же схватилась руками за потопленную «ветку», но «ветка», лежащая боком в воде, нырнула и ушла из-под рук.

— Солнце, потопая! — крикнула Дука отчаянно и захлебнулась в холодной струе.

Русский порочанин поклоняется солнцу не меньше инородцев и в трудные минуты вызывает к нему с язы-

Викентий Авилов в мгновение ока вскочил на ноги. Звякнули подковы сброшенных сапог и тяжелое тело шлепнулось в воду, вздымая высокие брызги, как тело огромного сиуча, нырнувшего в море с утеса. Порочане смотрели на эту неожиданную сцену, затаив дыхание. Викентий вынырнул, отфыркнулся и поплыл, широко забирая саженьями по воде. Минута и он очутился на месте катастрофы, поднялся по грудь над водой, увидев пунцовый платок, мелькнувший впереди, нырнул, ухватил... И вот он уже возвращается обратно, запустив свою руку в густую и мокрую косу и поддерживая голову утопленницы над уровнем воды. Еще через минуту он был у своей «кочевой», как-то особенно ловко перебросил Дуку через борт, поднялся на руках через корму,

Дука кольнула ближайшего лося.

ческой верой. Солнце — истинный бог холодного севера. Может быть, это старый славянский Ярило, привезенный из вятских лесов первыми поселщиками.

— Спасайте, православные, — крикнула Дука еще раз.

— Ио-о! — в ужасе взвыли другие охотники. Ружейная Дука была как бы воплощением охотничьего пыла, Дианой заимки Веселой. Однако, ни один не дерзнул приблизиться. Протянуть утопавшей хоть кончик весла из верткого «стружка» — значило очутиться тотчас же в воде вместе с нею.

Колымские жители купаются редко, а плавать совсем не умеют. И все-таки ездят на своих деревянных скорлупках и стараются не опрокидываться. Но каждая большая водяная охота уносит свою жертву.

— Дука, держись! — крикнул Викентий Авилов, с треском поворачивая лодку и с силой налегая на свои неуклюжие весла.

— Ах!..

Правая уключина не выдержала и выскочила из гнезда вместе с ивовой дужкой весла.

Дука опять вынырнула, на этот раз спиной. Руки ее судорожно взбивали воду, ища за что бы ухватиться.

наскоро сделал на месте уключины петлю из обрывка волосной веревки, вложил весло и погнал «кочевную» к берегу.

Охотники немного задержались на месте, посмотрели ему вслед, но не поплыли к берегу, а повернули вниз по реке ловить сохачинные туши. Ибо все четыре лося были все-таки заколоты и туши их отнесло по течению вниз почти на пол-песа.

Викентий вынес на берег бесчувственную девушку и отнес ее вверх на угорье. Мокрый след оставался за ним по дороге. Он снял с нее верхнюю кофту, потом повернул ее вниз головой, чтобы вытряхнуть проглоченную воду. После того он стал ее встряхивать на руках как малого ребенка. От этих внезапных и резких движений мог бы проснуться не только обмерший утопленник, но даже настоящий покойник. Веки Дуки вздрогнули, руки судорожно сжались. «О!» — простонала она потихоньку. Викентий еще раз встряхнул ее тело, потом отнес его под холщевую кровлю и уложил на шкурах. Он снял с нее мокрое платье и также развязал ее сокровенный пояс. За неимением простынь он завернул ее в свою собственную рубашку.

С того дня Ружейная Дука стала очелинкой, любовницей русского пришельца, Викентия Авилова. Мать ничего не сказала, ибо он утверждал свое право на Дуку вдвойне: развязанным поясом и собственной ру-

бахой. Впрочем, на третье утро Дука ушла из-под холщевой кровли в материнскую избу, да там и осталась. К Викентию она прибегала в разное время, чаще всего на повороте солнца, когда все живое забирается в тенистые и темные углы и дремлет бесшумно и чутко. В такие часы люди и звери и птицы стараются соединяться парами. Гуси тихонько гогочут, крохали¹⁾, отдыхающие на заводях, крикают сонно и слабо и крепче прижимаются друг к другу. Викентий ловил эти скрипучие и ласковые звуки и тоже прижимал к себе дикую красавицу и ему казалось, что он обнимает не женщину, а птицу. Она целовала его бешено, страстно, впиваясь зубами в его крепкую мохнатую грудь, потом неожиданно вскакивала с постланных шкур и словно улетела на крыльях в открытые двери.

— Найдется, так мой,—ответил Викентий утрюмо.
— Полно! — игриво сказала Натаха Щербатых. — Чей бы бык ни скакал, а теленочек наш...

Бесстыдная философия северного материнства была против Авилова. Он вспыхнул, но тотчас же сдержался.

— Послушай, Натаха, — начал он снова. Я дам за нее вено¹⁾ табаком и деньгами.

И слово и обычай были одинаково известны на дикой Колыме, но старая Натаха разозлилась.

— Ребенка не выкупишь веном, — проципела она, — хоть всем твоим потрохом... Ступай-ка отсюда...

— Ступай, ступай!..

Любовная связь дочери ее не смущала, а радовала. Но отдать этому чужому чуженину возможного внука,

Перебросил Дуку через борт.

В одно утро покинутый быстрою Дукой, Викентий Авиллов взял шапку и пошел по тропинке на другой конец заимки к той же знакомой избушке Натахи Щербатых. Старуха не спала. Она вышла на двор в кожаной юбке и странной повязке, сшитой из меха, как шапка, с прорезом на темени, и стала чинить развешанные сети вязальным челноком из мягкого дерева ивы.

— Челом! — утрюмо сказал Викентий, кланяясь девичьей матери.

— Тебе здорово! — сказала Натаха, кивая повязкой. — В избу пойдешь? — предложила она, приглядываясь к лицу гостя.

— Тут хорошо, — буркнул Викентий.

— Слушай, старуха, — начал Викентий Авиллов су-рово и прямо. — Отдай мне твою дочку!..

— Не дам! — коротко отрезала Натаха и тряхнула головой.

— Она меня любит, — сказал в пояснение Викентий.

— Пускай любит, — вдруг усмехнулась старуха. — Доброе дело... Может, казаченочек найдется...

пак!.. Она готова была выцарать ему глаза...

Выскочили Липка и Чичирка и маленькая Зуйка и подняли гневное шипенье, словно сердитые гусыни на чужую собаку. Черная головка Дуки, повязанная красным, выглянула тоже из двери.

— Ступай-ка и вправду отсюда... Тебе здесь не место...

ГЛАВА V.

Зима выпала такая холодная и скудная, какой старики не запомнят. Промысел осенний рано оборвался, а подледный не удался. Напрасно мужчины долбили пешнями (ломами) трехаршинную толщу матерого льда на реке, просовывая сеть внизу на длинном «нориле», трехсаженном шесте толщиной в человеческую руку. В сети попался только крутлоротый чукачан, костлявый и тощий, которым брезгают даже упряжные собаки.

Потом и чукачана не стало. В наступившую весну голод явился зловещей грозой, сулившей погибель и людям и лающей «скотинке».

Больше полгода прожили Викентий и Дука в разных домах, услаждая свои встречи урывчатой и яростной любовью, но словно в отместку Натахе Щербатых о внуке не было речи. Дука бегала, как прежде, то-ненькая, стройная, перекатывалась всюду, как ртуть, летала и вправо и влево, словно любовь зажгла ее новым огнем, наплатила особым беспокойством. И в

¹⁾ Одна из пород крупных уток.

¹⁾ Вено — свадебный выкуп, старое славянское слово.

месяце марте, когда Щербатые девки доедали последние «кости и головы» (рыбы), Дука встала на легкие лыжи, повесила лук через плечо, а под мышки пицаль и отправилась как прежде на белые Павдинские горы. Викентий Авилов шел рядом с ней. Лыжи его были, как два плота, и мягкий снег с каким-то испуганным вздохом садился под его тяжестью, но он шел вперед, как большая машина, и даже обгонял на ходу легконогую Дуку.

Первые пять верст они прошли в совершенном молчании. Потом Дука сняла ружье и отдала его спутнику.

— Мне лук лучше, — сказала она в объяснение, — а с пустыми руками итти на охоту плохая примета.

Они двинулись быстро, словно поедали версту за верстой своими широкими, жадными лыжами. На-

— Здесь есть еда!

чались Павдинские горы, поросшие лиственным лесом, потом за перевалом явилась и хвойная чаща, но не было нигде ни лосиного следа, ни заячьих «крестов», ни куропаточьей «вязки» на рыхлом снегу. Лес словно вымер. Там не было «ни червя, ни былинки», как это описано в старой тундренной сказке.

Они спустились с Павдинского Вала на озеро Лисье и покатались по ровному льду, с берега на берег. Вперед, все вперед, пока не найдется добыча или смерть...

Озеро лежало, как белая чаша, в широкой котловине и на севере синели Жабьи холмы, поросшие кедровой сланкой.

— Здесь есть еда! — неожиданно сказала Ружейная Дука и слегка постучала лыжным посохом по льду, покрытому снежным «убоем», гладким и твердым, как мрамор.

— Рыба! — прибавила она в виде ответа на удивленный взгляд спутника. — Как полный амбар.

— Так будем ловить, — горячо отозвался Викентий. У них не было сетей, но за сетями можно было

вернуться в поселок и кроме того северные рыболовы ухитряются ловить рыбу даже без всяких сетей.

Дука покачала головой.

— Нельзя, — сказал она с невольным вздохом. — Дедушко не любит.

— Полное озеро рыбы, — начала она снова, как будто против воли.

— Дедушко не любит, — повторил с удивлением Авилов. — Какой дедушко?..

— Дед, водяной, — негромко объяснила спутница, — не любит, не дает...

— А ежели даст, — прибавила Дука нерешительно, — так требует плату, чего ты не знаешь, самое милое, что есть у человека...

Это была старинная русская сказка, рожденная древней природой, озерами и реками России и вновь воплощенная в озера и реки этого дикого края. Древний водяной царь из Ильменя или Селигера переселился в озеро Лисье и с каждого гостя и путника требовал выкуп, «чего ты не знаешь, самое милое, что есть у человека»...

Самое милое на севере, как и на юге, — новорожденные дети и выкуп водяному приходилось платить маленькими русыми головками. Может быть именно поэтому так мерли ребятишки на заимке Веселой. Жители боялись водяного, живущего в дальней пустыне, и в самое голодное время не ловили на озере Лисьем. И оттого оно было переполнено рыбой, как подводный амбар.

Однако, Викентий Авилов был меньше всего склонен поддаваться таким опасениям.

— Вот еще, — фыркнул он презрительно. — Мы будем голодные ходить. Ну его к чорту!

— Грех! — быстро сказала Ружейная Дука. — Солнце услышит...

Солнце и горы и вода были связаны одной неразрывной связью. И словно в подтверждение угрозы в воздухе стало темнее. Небо закрылось туманом и словно осело на землю. Какие-то сизые клочья быстро всползли к зениту. Пахнул хиус¹⁾ с юго-запада, с «гнилого угла», сырой и коварный предвестник весенней мятели, залепленной снегом.

— Худо, — сказала Ружейная Дука, — на озере беда. Перебежим до берега.

Но берега уже исчезли, заволоченные снежной дымкой. Ветер заревел. Воздух завился мокрыми струями расплавленного снега, словно озеро прорвало ледяную кору и взметнулось в пространство.

¹⁾ Ветер.

(Продолжение следует)

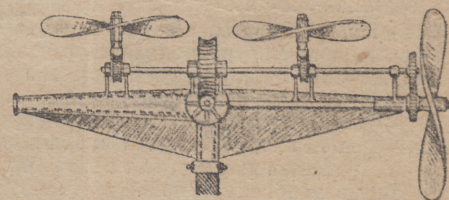

ТУШЕНИЕ ПОЖАРА НА НЕБОСКРЕБАХ

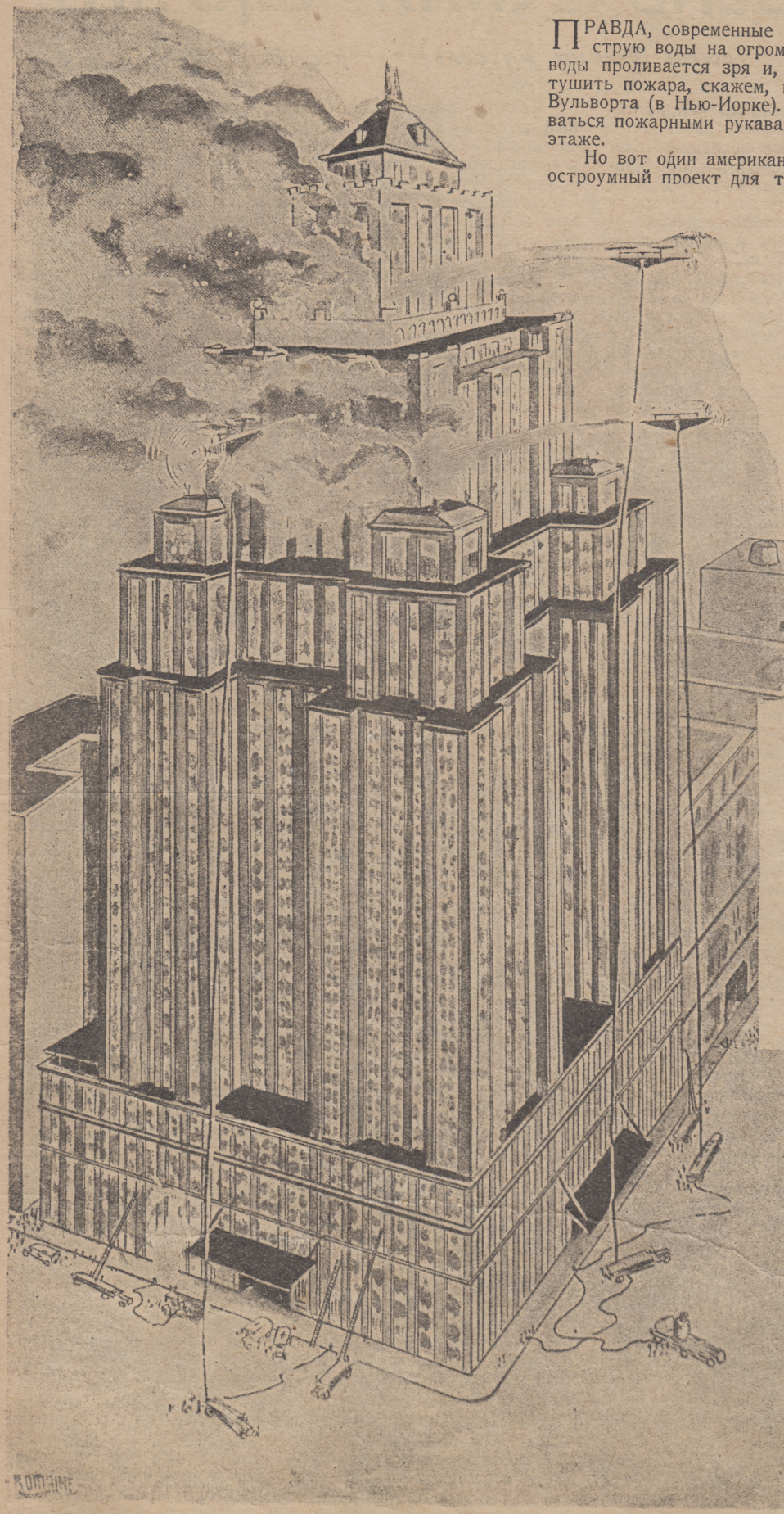
ПРАВДА, современные машины в состоянии пускать сильную струю воды на огромную высоту, но при этом большая часть воды проливается зря и, конечно, снизу никак нельзя было бы тушить пожара, скажем, на 52-м этаже знаменитого небоскреба Вульворта (в Нью-Йорке). В таких случаях приходится пользоваться пожарными рукавами, которые имеются тут же на каждом этаже.

Но вот один американский изобретатель предложил следующий остроумный проект для тушения всякого пожара снизу. Основа проекта — приспособление, приведенное здесь в разрезе. Два небольших пропеллера сверху и один позади (считая передней частью ту, которая обращена жерлом к горящему зданию) приводятся в движение простым механизмом, на который действует напор воды, подаваемой снизу. Как видно из рисунка, вся сущность проекта заключается в том, что бешеный напор воды через рукав доходит до описанного выше жерла и приводит в движение два пропеллера, поднимающие его вверх. Два редких полотнища придают ему большую устойчивость.

Вода нагнетается до тех пор, пока рукав не поднимется несколько выше того этажа, на котором случился пожар; это делается с тем расчетом, что если вода и не будет бить сильной струей, то она зато вся целиком будет попадать на источник огня. Если верхние два пропеллера поддерживают рукав на желательной высоте, то задний пропеллер удерживает приспособление на месте, так как в противном случае, при истечении воды из жерла, весь аппарат был бы отброшен назад. А чтобы повернуть, в случае надобности, все это приспособление, нужно только медленно поворачивать рукав у основания.

Механизм огнетушителя в разрезе

Наглядное изображение проекта тушения огня в верхних этажах небоскребов с помощью механизма, поднимающего пожарный рукав на желаемую высоту.

РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКАЯ ШХУНА

Рассказ Джоха Русселя.

Рисунки Т. Фитингофа.

Она была очень стара и служила многим непристойным владельцам: торговцу живым товаром, контрабандисту, речному пирату, беглому каторжнику. Ее последним владельцем был плантатор из Бабахой, который наскоро приладил ее для перевозки какао, но однажды ночью напился до смерти в ее каюте и шхуна осталась гнить возле такой же гнилой пристани. С этих пор она осталась заброшенной, потому что дурная слава корабля, как и народа, с течением времени становится все хуже и хуже.

Никто не мог разузнать ни ее далеких странствований, ни незаконного груза, который она перевозила. Выкинутая на прибрежный ил, она достигла, казалось, своего последнего пристанища, как вдруг была вырвана из своего одиночества и снова брошена в широкий свет, в последнее роковое плавание.

В начале одного дождливого времени года на восточных склонах Чимборазо были обнаружены богатейшие золотые россыпи. На россыпи возлагались большие надежды, и к месту раскопок потянулись целые толпы бродяг, вечно ободренных и голодных, падких на легкую добычу.

В начале апреля первый транспорт золотого песка был готов к отправке из рудников на побережье. Мешки с золотом были доставлены по горным тропинкам на мулах, затем по истокам Бабахайо на челне и, наконец, были погружены на легкий речной пароход для отправки под конвоем в Гвайаквиль. Но золото не попало в Гвайаквиль и никто не видал больше ни речного парохода, ни команды, ни охраны.

Только четверо бродяг, которые месяц назад прошли по этим местам в поисках работы, продолжали свой путь вниз по Бабахайо к Гвайасу. И золото уехало вместе с ними.

В сумерки покой отменил, где дремала заброшенная шхуна, был нарушен. В полумраке можно было различить небольшой челн, пробравшийся к старой барже. Челн каждую минуту грозил затонуть вместе с пассажирами, и им необходимо было как можно скорее перейти на какое-нибудь другое судно. Обогнув небольшой мыс, они с радостью увидели небольшую шхуну, стоявшую как раз на их пути.

— Ну, что, солгал я? — воскликнул кто-то хриплым голосом. Юркая фигура поднялась с челна, вскарабкалась по выемкам борта на шхуну и подняла кверху руку, чтобы ободрить оставшихся внизу.

— Да, но поплывет ли она? — проворчал другой голос. — Она лежит, как старый чурбан.

— Я обещал вам корабль. Довольны вы?

Третий человек, высокий и угловатый, взобрался вслед за первыми двумя и вскочил на палубу, как канатный плясун.

— Все ясно, Бревер, сын мой! — воскликнул он. — Баржа с палубой. Право, она суха и цела, по крайней мере, а это гораздо лучше, чем сидеть на три четверти в воде в каком-то дырявом гробу. «Ах, что за жизнь на волнах океана!» — зашел он приплясывая, но тут же в изнеможении прислонился к перилам.

— О, чорт вас возьми! — злобно воскликнул второй бродяга. — Не воображаете ли вы, что я один буду переставлять добычу? Ведь челн сию минуту потонет.

И, действительно, крохотное суденышко прыгало, крутилось и ныряло, готовое каждую минуту исчезнуть под водой.

— Ничего, Криспин! — более спокойно сказал первый, — я помогу тебе.

Они вдвоем принялись переносить мешки с золотом из челна на палубу шкуны, пока их совершенно не окутала ночная тьма.

— Где же этот проклятый фонарь? — вдруг спросил Бревер, — и где Джордж.

Джорджа на шхуне не было.

— Джордж! — заорали они все хором, и эхо джунглей отозвалось на их зов.

— Напился и спит, верно, на дне челна.

— Ну и пусть тонет! — проворчал Криспин, но Бревер слез вниз и вытащил тощее и мокрое тело, с которого струйками стекала вода.

— Ну сядем и выпьем по чарке водки, но только, чур, по одной.

Криспин высек огонь и свет фонаря соединил их в тесный кружок. Это была шайка грубых, типичных бродяг, отправившихся искать счастья и приключений в далекие и неизведанные страны. Одеты в грязное, рваное тряпье, кое-как обутое и вооруженные, они только что захватили богатую добычу. Их пылающие лица и слишком свободные жесты свидетельствовали о том подбадривающем средстве, к которому они прибегли для выполнения дела, столь несвойственного их натуре.

Один только Бревер, их предводитель, ближе всех подходил к грубой породе морских разбойников. Он был браконьером на Жемчужных Островах, грабил потерпевшие крушение суда у Восточных берегов. Это он составил план «подвига» и уговорил других привести его в исполнение и теперь, войдя на шхуну, он сразу же нашел рычаг и привел в движение помпы.

— Она отлично послужит нам! — воскликнул он. — Поднажмите-ка вот здесь, ребята. Через час мы уже пустим в ход.

Но остальные не двинулись с места; тогда он подошел и стал возле них, в упор глядя им в лицо. В его голубых, жестких глазах вспыхивали угрожающие огоньки.

— Слушайте вы! Если кто-нибудь из вас желает поселиться в этой местности, он может сойти на берег. Только решайте скорей. Или вы воображаете, что если речной пароход не придет завтра в Гвайаквиль, местная полиция не бросится на его поиски.

— Я устал! — сердито сказал Криспин.

— Мы все устали! — повторил за ним высокий бродяга, он называл себя Чарли Дибдин. Это был костлявый, похожий на лошадь человек, с щетинистым и желтовато-рыжими усами и железисто-серым лицом.

— Разве ты не видишь, как мы устали? — продолжал он. — Мы работали целый день, а потому и отдохнем сначала.

— А тем временем мы будем всей компанией стоять под виселицей, — проговорил спокойно Бревер. — Или вы думаете, что нас не повесят. Правда, здесь употребляют еще ошейники, которые острыми шипами впиваются в затылок. А то есть еще земляная стена, а перед ней рота взявших на прицел солдат...

Бандиты неохотно зашевелились.

— Какой смысл выкачивать эту проклятую воду, когда шхуна вся сгнила? — проворчал Криспин.

— А я вам говорю, что она крепка, как доллар. Она починена всего три года назад; я знаю, я слышал об этом в Бабахой. Она наполовину суха и помпы на ней — первоклассные. Ну, будете вы помогать?

Бревер осмотрел каждого из них по очереди.

Они смотрели на его слегка улыбающееся лицо; он стоял возле насоса, с револьвером наготове. После всех происшествий этого дня им казалось невероятным, что он может быть таким твердым и непреклонным, что ни водка, ни усталость, ни страх не оставили и следа в этом крепком, широкоплечем негодяе.

— А-а! — огрызнулся Криспин, вставая. — Что же мы будем делать на берегу?

— Вы можете взять свою долю золота, оно прекрасно упаковано в кожаных мешках — любезно сказал Бревер — унести его не так уж трудно. А я надеюсь сегодня же отплыть отсюда, поняли?

Чувство одиночества, полной затерянности среди дикой, чужой им страны сразу охватило их. Стало ясно, что шхуна — их единственное пристанище.

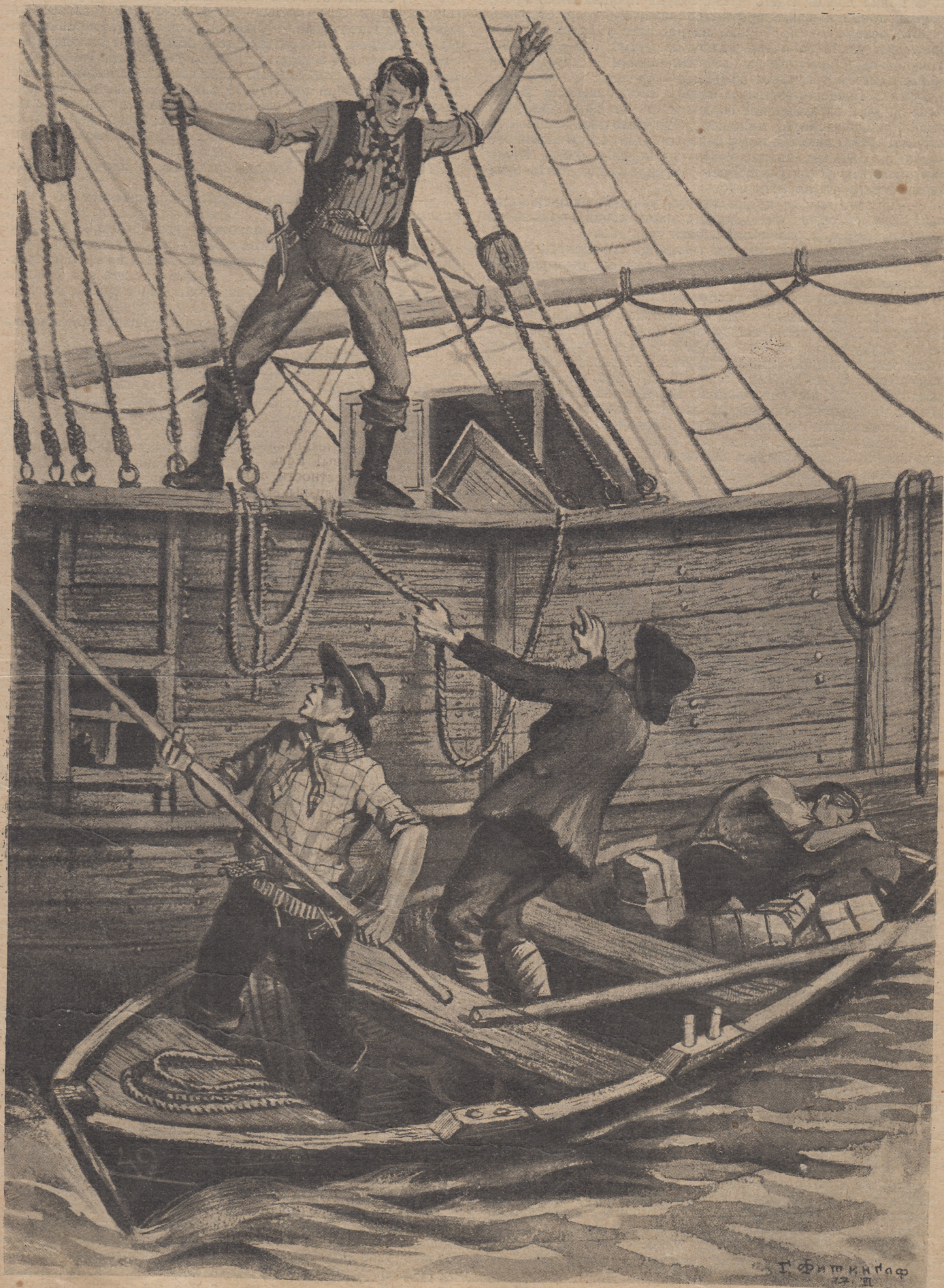
Джордж первый вскочил на ноги.

— Что же мы тут копаемся, чорт возьми! — воскликнул он. — Давайте же скорей выбираться из этой дыры. Ведь за нами пошлют погоню, нам нужно бежать, бежать, как можно скорее!

— Джордж, ты прав — подтвердил Дибдин с внезапной важностью пылого человека.

Все ждали, что скажет Криспин. Он все еще сидел на корточках, но в его лице не было уже прежнего вызывающего выражения. Едва слышный шопотом он призывал имена полубытых святых, а в глазах его, устремленных на мерцающее пламя фонаря, светился непритворный суеверный ужас.

Никто не видел, как шхуна отошла от берега. В полночь поил дождь. В это время шхуна прошла мимо Гвай-аквиля, придерживаясь противоположного берега, стараясь пройти незамеченной. Только на рассвете удалось ей пробраться в узкий заливчик между болотами, где она могла совершенно укрыться, а ее измученная и промокшая команда могла уснуть на палубе.

Когда Бревер проснулся, солнце стояло высоко. В порыве вполне заслуженной гордости он пинками разбудил товарищей. Опасность миновала. Они обладали небольшой шхуной. Продовольствия, снятого ими с потопленного ночью пароходика, вполне хватит на неделю. Лишь только они вышли из устья реки, Бревер предложил держать путь вдоль берега в Колумбиго.

— И если мы не купим там у губернатора необходимых документов, чтобы доказать наше алиби, — заключил он — то значит, я разучился писать свое имя.

Тут только он заметил, что товарищи его хранили упорное молчание. Они не слушали его, лица их были суровы и задумчивы.

Бревер неприязненно рассмеялся.

— Дорогие джентльмены, не слишком ли рано вы грустили. Слушайте, я скажу вам, в чем ваше горе. Вам не по вкусу такая игра. Я видел это еще в рудниках, но я взял вас по необходимости: других не было. И я заявляю вам прямо: я не дам вам баловаться, пока вы на судне, поняли? Когда же расстанемся, можете хныкать сколько угодно, а теперь принимайтесь за дело. Живо!

Они неохотно исполнили его требование.

Немного позднее, когда все сели завтракать, Бревер вскочил, точно разорвалась бомба.

— Что это еще за выходки! — вскричал он грубо. — Где Джордж?

— Чорт возьми! Опять малыш потерялся — воскликнул Дибдин. — Почему ты его не привязываешь?

— Я его так привяжу, что ему не поздоровится, если он будет запускать лапы, куда не следует. Пропал мешок с золотом! — добавил он в ответ на удивленные взгляды товарищей.

Слова его вывели их, наконец, из равнодушия.

— Я оставил мешки вчера вечером на виду у всех. Их было четыре, а теперь, вы сами видите, осталось только три. Смотрите, братцы, если это ваши общие шутики...

Криспин вскочил, как раненый буйвол.

— Чорт возьми! Ты будешь обвинять нас из-за того, что этот проклятый мальчишка сбежал. Не говорил ли я вам обоим, что ни к чорту не годен. Дайте мне только поймать его.

— Так я тебе и дал! — проворчал Бревер. — И куда он мог сбежать, хотел бы я знать? Во всяком случае, недалеко. И в самом деле, он сбежал не дальше крошечной сырой каюты, где они вскоре и нашли его, распростертым на одной из коек.

— Ну?

Джордж поднял на них тусклый взгляд.

— Я болен! — прошептал он.

— В самом деле! — буркнул Криспин. — Удивительно!

У Джорджа не только не было мешка с золотом, но он даже, казалось, вовсе не понимал их вопросов. Им оставалось только с подозрением глядеть друг на друга. Ничто не могло бы сильнее подорвать их союз.

— Крис, где ты спал? — бросил вызов Бревер.

— Я? Вот здесь у дверей! Что?! Скажешь не здесь?

— Ты, Чарли?

— Рядом с Криспином. Успокойся!

— Кто бы ни украл, — сказал Бревер, — эта штука впрок ему не пойдет.

— Не пойдет впрок, кто бы ни украл! — повторили остальные.

— Уж не меня ли вы подозреваете? Будьте уверены, друзья мои, что если бы я захотел отделаться от вас, я сделал бы это как-нибудь получше.

— Да, но золото исчезло! — возразил Криспин.

Они начали искать по всей шхуне. Они быстро осмотрели пустую каюту. В носовой переборке они обнаружили вход в трюм, наполовину закрытый низкой дверцей. Через незакрытое отверстие виднелось несколько ступеней, которые вели вниз. Бандиты, склоняясь над отверстием, стали пристально разглядывать темное, зловонное, сырое помещение, с усеянным гниющими отбросами полом и низким потолком. По стенам тянулись узкие полки, нечто вроде одной длинной койки. Бревер рассмотрел даже целый ряд оков, приделанных к одной из балок.

— Помещение для невольников. Посмотрите-ка! Их впаковывали, как ложки, рядами.

— Негров? Да!

— Я слышал об этом в Бабахойо. Тонкая штука была эта шхуна в свое время. — В душе Бревера заговорили инстинкты спекулянта. — Сколько черных душ прошло через эту дверцу. Сколько их здесь погибло от голода и болезни, а сколько запорото кнутами до смерти, чтобы удерживать в повиновении других. Маленькое отделение преисподней, не так ли ребята? И они, верно, были тут, ведь негры всегда воют. Вспомните-ка, как вопил кочегар с нашего катера, когда ты, Чарли, выбросил его за борт. Он тоже был негр. А другой, которого Крис сбросил с капитанского мостика?

При этих словах Дибдин отскочил от входа в зловонный трюм.

— Что? Вам все еще неприятно вспоминать об этом? Нервы расстроены?

— Замолчишь ли ты, наконец! — раздраженно воскликнул Чарли. — И можете сами обыскивать эту дыру.

Бревер обернулся к Криспину. Но вялый по натуре Криспин, хоть и не испытывал такого отвращения, как Дибдин, все же не выказал особого желания войти в трюм.

— Иди ты! — предложил он.

Но Бревер с кривой усмешкой отрицательно покачал головой.

— Я предпочитаю предоставить это кому-нибудь другому. Итак, мы все одинаково увливаем. Пожалуй, никому из нас не хотелось бы еще раз заглянуть сюда.

Они выбрались снова на палубу и продолжали поиски. Главный люк был завален мертвой растительностью и, несомненно, что никто не входил в него в течение многих лет. Когда же они добрались до маленького люка на корме, то увидели, что дверь в него была очень плотно закрыта, хотя на ней не было ни замка, ни задвижки.

Бревер, охваченный каким-то случайным капризом фантазии, вздумал постучать.

— Эй, вы. Кто там? — крикнул он.

Пустой отзыв был им ответом; сразу повеяло на них какой-то таинственностью, так что, уходя, все они, покорные какому-то необъяснимому импульсу, шли осторожно, на цыпочках, боязливо оглядываясь назад.

— Я думаю — сказал, наконец, Бревер, когда они снова вернулись на транец, — нам лучше всего разделить золото и пусть каждый сам охраняет свою часть. Тем хуже для Джорджа, если он проворонил свою.

— А ну его, что нам за дело! — сказал Дибдин.

На этом и порешили.

***

В следующую ночь небо на несколько часов прояснилось и, при свете звезд, им удалось сделать несколько торопливых переездов, так что восход солнца застал их в тридцати пяти милях ниже Гвай-аквиля. К концу дня они уже преспокойно покачивались на волнах открытого моря.

На следующий день Чарли Дибдин проснулся обедневшим на десять тысяч долларов: его мешок с золотом тоже исчез. Дибдин обнаружил пропажу, сидя на нижней ступеньке лестницы, ведущей в каюту, где он прилег отдохнуть после бесчисленных прикладываний к бутылке. В то время, как он прекрасно помнил, сокровище его было еще цело, а потом оно куда-то исчезло.

— Спой ему вечную память! — посоветовал Криспин, гримасничая, как обезьяна.

Дибдин, в порыве необузданной ярости, стал осыпать его проклятиями, пока не вмешался Бревер, но этим подлил лишь масла в огонь.

— Оставишь ли ты меня в покое? Ты что, не веришь мне? Я говорю, что золото мое украдено, все, ради чего я впутался в это кровавое дело. А вы двое меня ловко обокрали.

Но тут Криспин выразил энергичный протест. Этот вор не желал, чтобы его называли вором. Он пожелал смуть оскорбление; другой выступил ему навстречу. Оружие сверкнуло на солнце.

— Золото украдено или спрятано, — вмешался Бревер, ловко разнимая противников. — Или спрятано, говорю я вам. Ты ужасно грубый человек, Чарли... Вот твой мешок. А теперь успокойся и помирись с ним.

Дибдин взглянул на мешок, брошенный ему в руки.

— Это не мой мешок.

— Да — ответил Бревер, презрительно улыбаясь — это мой. Но раз ты высказываешь такое подозрение, я готов отдать тебе его. С меня довольно и того, что за мной останется самый банк со всеми вкладами. Эх, вы, дураки! Да разве кто-нибудь может с чем бы то ни было уйти отсюда?

И в самом деле, стоило только выглянуть за борт, чтобы убедиться, что он прав. На западе едва заметной полоской виднелся далекий берег: шхуна мерно покачивалась в широком просторе Тихого Океана. Весь мир для них сосредоточился в этой жалкой скорлупе. Но в этом тесном мире происходили очень странные вещи.

Криспин и Чарли, поняв общность своих интересов, решили по очереди стоять на страже в каюте всю ночь. Чтобы это было не так скучно и утомительно, они достали еще бутылку рома.

Но, повидимому, охрана была плохая, потому что на рассвете они, недоумевающие и взбешенные до последней крайности, обнаружили, что оба их мешка исчезли, как и остальные.

За ночь ветер посвежел; они нашли Бревера у рулевого колеса, необычайно сдержанного и подавленного; во всей его фигуре, освещенной утренним светом, было что-то непроницаемое. Он принял известие очень спокойно.

— Пропали? в самом деле? Что ж, теперь, значит, все чисто!

— Да! Но я хотел бы кому-нибудь разmozжить голову за это! — вскричал Дибдин, совершенно сбитый с толку, весь бледный и трепещущий.

— Возьми заступ и доставь себе это удовольствие — рассеянно возразил Бревер.

— Это все, что ты можешь сказать?

— Нет, я могу сказать, что золото находится еще на борту шхуны. Где же еще ему быть. Поэтому я и не беспокоюсь. Кто складывает его в кучу для нас — я не знаю, но я желаю ему вполне наслаждаться этой забавой, пока не окончится наше путешествие и не придет время свести счеты.

— Но кто-нибудь да сделал же это?

— Конечно! — согласился Бревер. — Может быть, Крис, у него что-то виноватый вид. Или ты сам, Чарли. Может быть, я. А может быть и кто-нибудь другой.

— Джордж! — быстро воскликнул Криспин.

— Где Джордж? — спросил Дибдин.

— Вот это вопрос! — отвечал Бревер с своей обычной кривой усмешкой. — Но вам нечего беспокоиться. Туда, где он теперь, он не взял с собою золота.

Когда они сошли вниз, чтобы узнать, в чем дело, Криспин и Дибдин вполне успокоились: Джордж был мертв. И мертвый он имел какой-то совершенно особый вид. Распростертый на одной из коек, он походил на кое-как слепленную глиняную куклу или полусохшую мумию. Он настолько сморщился и исхудал, что его с трудом можно было узнать. Его грудь, шея, конечности и даже лицо были покрыты мелкими красными пятнышками, как сыпь, похожей на отпечатки кровавых пальцев. Все остальное тело было совершенно бледно.

Некоторое время они все молча стояли над трупом.

— Ты знал это? — сказал, наконец, Дибдин.

Бревер кивнул головой.

— Я видел его.

— А что это такое?

Дибдин показал у себя на руке, немного повыше запястья, три красных пятна. При подробном осмотре они увидели, что это были садины, какие можно нанести оспризывательным ланцетом или очень острой бритвой, если провести ею слишком близко к коже; словом наружный слой кожи был точно соскоблен, вплоть до капиллярных сосудов.

— Я весь покрыт такими пятнами и Криспин тоже. И мы едва держимся на ногах, Бревер.

И в самом деле, после пережитого в это утро потрясения они страшно ослабели, ноги подкашивались и жизненная сила покинула их тела.

— У Джорджа была лихорадка, — внушительно сказал Бревер.

— Это не лихорадка. Я никогда не слышал ни о чем подобном. Я весь покрыт потом, у меня озноб.

— От страха?...

— Еще бы не от страха, когда в ушах стучит и перед глазами мелькают черные точки. А все тело налитое свинцом, точно я несколько месяцев пролежал в постели. Бревер, я спрашиваю тебя, что это такое?

— Я не знаю, — отвечал Бревер.

Он, казалось, издевался над нами, над их очевидным несчастьем. Это был человек, весь сотканный из злой воли и преступной энергии.

— Я не знаю, будьте вы прокляты! — воскликнул он с внезапным гневом. — Что-то скверное все время происходит с нами, я несколько не отрицаю этого. Но вы можете быть уверены, что я намерен довести дело до конца. Нам

придется продержаться еще дня четыре, прежде чем мы сможем где-нибудь высадиться. Слышите вы?!

Он проинес это как ультиматум, и Дибдин обернулся, чтобы успокоить товарища.

— Крис!..

Криспин сидел, прислонясь к переборке, почти в бессознательном состоянии, он ни на что не обращал внимания и только, словно сквозь сон, повторял наводившие ужас слова:

— Это дьявольская шхуна и все в ней от дьявола.

Ветры благоприятствовали ходу шхуны, и нужно было только изредка направлять ее ход то по солнцу, то по отблескам отдаленных огней с берега. Старое рабовладельческое судно неизменно продолжало свой путь, унося на себе этих людей, отягощенных преступлением, страхом и взаимным недоверием, а цель, к которой они все стремились, становилась все более туманной и неуловимой. Их терпение, навеянное мрачной таинственностью шхуны, приняло какие-то сверхъестественные формы. Они стали ненавидеть ее, как живое существо, как коварную морскую ехидну, которая стала на их пути и обольщала и заманивала их, как добычу.

Результатом такого напряжения был новый обывк внизу. Чарли Дибдин воздержался от рома, и потому мысли его, может быть, стали яснее. Около полудня он попытался открыть дверцу, ведущую в трюм, и под лучами яркого полуденного солнца, пробраться в неисследованные места. Он нашел там то же, что они видели и раньше: голые доски, грязь под ногами, темные тени под потолком и по углам.

— Перенес на новое место свой банк, — бросил ему Бревер, когда он вернулся.

— Я полагал, что найду твой, — возразил Дибдин. — Ты что-то уж очень ловко спугнул нас.

— Я, может быть, хотел удалить вас! — злобно усмехнувшись, намекнул Бревер. — А потому вам нечего торопиться искать его там, где он находится.

— Я так и думал. Так и думал. И ты воображаешь, что я не знал, что все эти таинственные фокусы — дело твоих рук. Ты хотел избавиться от нас и составил план разбить нас поодиночке.

— Ты очень остроумен, Чарли! — воскликнул Бревер. — Я восхищен твоей находчивостью. Может быть и эту проклятую болезнь я напустил?

— Все может быть. Ты же ведь не заболел?

— Боюсь, что был болен чуточку. В ту ночь, когда мы ночевали на реке, на бедре у меня было три маленьких пятнышка. А теперь я хорошо себя чувствую, спасибо.

— Так и есть, ты здоровее всех нас. Но смотри, Бревер, берегись, говорю я тебе. Не жить тебе, если ты обокрал нас!

— Так же, как и тебе и Криспину. А как же ты не додумался, что я прекрасно мог покончить с вами, пока вы спали. Если бы я хотел отделаться от вас, что мешало бы мне воспользоваться случаем. От вас ведь нет никакой пользы.

Под вечер, однако, они доказали, что могут быть полезными: ветер затиш, и Бревер, несмотря на их слабость, заставил их встать за весла и таким образом они прошли один узел или около того.

— Через четыре дня мы высадимся, сказал я вам, через четыре дня это и должно быть. Или вам угодно продлить эту морскую прогулку?

В эту ночь они потеряли второго члена своей шайки.

Криспину, охваченному болезненным страхом, внезапно пришла фантазия, что он не может остаться без фонаря. Бревер, все еще боявшийся погоны, не позволял зажигать свет на палубе. Криспин спустился один в каюту; Дибдину надоело сидеть там и он остался на палубе. Страшная суматоха была результатом этого.

Под утро Бревер и Дибдин, дремавшие на палубе при свете звезд, были выведены из своего полусонного состояния вскрипываниями и воплями охваченного кошмарами человека, а также шумом неистовой борьбы внизу. Через секунду из каюты выскочил Криспин, размахивая потухшим фонарем и извиваясь, словно он хотел освободиться от какого-то неведомого противника. Он захлопнул за собой дверь и упал возле нее. Когда товарищи бросились поднимать его, они увидели, что руки его и лицо были все в крови.

— Не ходите туда! — вопил он. — Заприте их, заприте!

И это было почти все, что они могли понять из его воплей.

Ушибы его казались незначительными; это были просто вновь появившиеся красные пятна, которые он сам

расчесал до крови. Они не нашли у него никаких больше признаков какого-нибудь другого заболевания. Видно было по всему, что он был в буквальном смысле перепуган до смерти. Он стал бредить и в бреду нашел свой давно забытый родной язык. Так пролежал он до самого рассвета. И только за несколько минут до своей смерти он дал им кое-как понять, что произошло с ним в каюте. Пока он спал, фонарь потух и во сне он снова переживал все подробности их преступления, убийства, совершенного на борту речного катера. Но в кошмаре ему представилось, что он разделяет муки агонии со своей последней жертвой, тем негром, который был подстрелен и сброшен с капитанского мостика. Он чувствовал, что он тонет и теряет силы в объятиях чудовищного противника, пока, наконец, не проснулся в полной тьме, что еще усилило только что пережитые галлюцинации.

В это утро на шхуне мало разговаривали; исполнив обязанности могильщиков и, таким образом, избавив себя от невыносимого присутствия мертвеца, оба оставшиеся в живых некоторое время пристально разглядывали друг друга.

У Дибдина был очень плохой вид. Бревер, с лицом черепа, едва ли был в лучшем состоянии.

Чарли инстинктивно хотелось спрятаться куда-нибудь. Он смастерил себе убежище среди мусора возле мачты на носу, съел свою долю пищи и остался там. Спал он или нет — неизвестно.

Что касается Бревера, то он, как истый моряк, не смыкал глаз до самого конца их пытки, ставшей эпопеей выносливости этого неукротимого человека.

Ему необходимо было продержаться еще четыре дня.

Они поплыли от болотистого берега Бабахой в пятницу; Джордж умер в понедельник. С ночи с понедельника на вторник до позднего вечера четверга Бревер бесменно стоял у рулевого колеса.

А шхуна все плыла и плыла, но Бревер боялся решиться на что-нибудь. Между шхуной и человеком завязалась, в конце-концов, какая-то фантастическая борьба. Один — упорно бдительный и искусный, другая — лелеющая какую-то таинственную коварную силу в своих забитых люках.

В четверг, под вечер, когда солнце залило огромный свод неба кровавым заревом, где-то далеко, далеко на западе показался невысокий мыс, очертаниями похожий на сжатый кулак. При виде его Бревер сбросил с себя сковывающее его оцепенение и мгновенно настоялся.

Беспорядочные звуки человеческого голоса, с раннего утра раздававшиеся с носовой части шхуны, свидетельствовали о том, что Чарли Дибдин снова принялся утешаться ромом, но Бревер не видел его несколько часов. Окинув взглядом палубу и паруса, он только теперь заметил его. После недолгого колебания, он наскоро привязал руль, покинул свой пост и, осторожно ступая, начал собираться.

Он собрал все снятое с потопленного катера оружие, патроны, мешки с сухарями и маисовой мукой, посуду, — словом, все, что могло ему пригодиться в дикой стране. Все это он перетаскал с палубы и из большого люка на корму, где он все сложил в кучу. Раз или два он прерывал работу, чтобы понюхать воздух, в котором чувствовалась необычайная сырость. Окидывая по временам взглядом спокойный еще пока горизонт, он обнаруживал с каждой минутой нарастающие признаки приближающейся бури.

Вдруг канат, который он уже начал было отвязывать, выпал у него из рук.

— Бревер!

Перед ним, цепляясь за мачту, стоял Чарли Дибдин, потерявший всякое подобие человеческого облика. Это был какой-то развинченный игрушечный плясун на веревочке, белое, покрытое пятнами привидение. В руках его был догорающий факел, в глазах сверкало какое-то дикое ликование.

— Бревер! — кричал он. — Я поджег ее, поджег ее проклятую!

Ты, кажется, собираешься удрать?

Бревер резко обернулся.

— Ты, кажется, собираешься удрать

— Собираюсь! — отвечал Бревер.

Внезапное подозрение дало совершенно иной ход мыслям Чарли Дибдина.

— Без меня?

Бревер кивнул головой.

— А... а как же золото? Клянусь, ты ни за что не уйдешь без него. Ты сам говорил мне об этом. Так, значит, ты и вправду решил отделаться от нас? Ты забрал уже золото?

— Оно еще здесь! — любезно ответил Бревер. — Где оно и было до сих пор и лишь пополнялось время от времени.

ГЛАВА I.

Наступление болота.

Дождь, этот страшный и непрерывный дождь, разразился над лесным западным городком еще неделю назад. И вот он шел уже восьмой день, шел и не ослабевал ни на минуту. В эти дни старики — местные сторожилы, прислушивались и мрачно качали головами.

— Ой, нехорошо быть сейчас в лесу! — говорили они и вздохнув добавляли: — Да, тяжелые дни, ой какие страшные дни...

А в громадном бесконечном лесу было темно, как в могиле. Старый, темный лес дрожал от потоков воды и доносившихся откуда-то сильных и глухих ударов. Земля была мягкая и будто пропиталась водой насквозь, как вата.

В лесу было болото. Оно раскинулось под кустарниками и зарослями и зловеще вздувалось и росло. Достаточно было сделать один неверный шаг по лесной почве, ступить в сторону и трясина готова была проглотить любого, кто в нее попадет.

Да, нехорошо было в лесу. Но все-таки лес не был совсем мертв и пуст.

Меж деревьями и черными кустами осторожно пробиралась согнутая фигура человека. Человек, слегка прихрамывая, вынырнул из мрака деревьев на прогалинку и оглянулся по сторонам. Потом он устало опустился на ближайший пенек.

Лесной путник был одет в длинную шинель, воротник шинели был высоко поднят, с обмокшей фуражки ручьями стекала вода. Человек вынул из-за пазухи папиросу и, осторожно прикрыв руками спичку, закурил, потом быстро стащил левый сапог, снял шинель и рубашку и, разорвав последнюю на длинные полосы, стал обматывать ногу около колена. Забинтовав ее, он опять натянул сапог, накинул шинель и вытащил из кармана револьвер. Посмотрев в барабан и засунув револьвер обратно, человек поднялся и зашагал дальше. Пройдя несколько шагов, он вдруг как бы вспомнив или решив что-то остановился, вынул из кармана пачку бумаг, порвал их на две половины и бросил в кусты.

Если бы прочесть эти бумаги, то стало бы видно, что это документы датированы 19 марта 1920 г. Документы на имя Григория Головина политкома 2-го

батальона Н-ского красного полка, одной из дивизий западного фронта.

В то время город среди лесов, город среди болот, был местом жестоких сражений.

— Мудрые старожилы не зря качали головами.

Восьмой день шел непрерывный дождь и восьмой раз городок переходил из рук в руки. В дожде и в свинцовом мраке шли упорные бои. Тысячи сапог месили окрестные дороги, лилась грязная вода и грязь мешалась с кровью.

В эти дни успех не хотел баловать никого. То отступали к западу польско-белогвардейские цепи, то красные части отходили назад к ложбинам и отрогам леса.

Так Григорий Головин, политком 2-го батальона отстал от части и потерял своих товарищей. А лес глухо стонал от доносившихся издали орудийных выстрелов. Дождь то переставал итти, то с новой силой падал сверху, с огромных ветвей, с черных дыр неба. Становилось опасно итти и каждый шаг приходилось делать наощупь. Решив, что он шел в ту сторону, где начинается болото, Головин повернул обратно. Но пройдя метров пятьдесят, сразу вдруг вода и грязь стали расступаться и ноги увязли по колено. Два прыжка в сторону и по щиколотку в воде Головин побрел по другому направлению.

Где был город, в какой стороне стояли красные части и откуда все глуше ухали батареи — было непонятно. В любую минуту можно было выйти к белогвардейским пикетам и тогда немедленный расстрел на месте.

А промокшие сапоги так безжалостно тянут ноги, раненая нога так ужасно ноет и холод начинает просачиваться в кости через промокшую одежду. Выйдя на прогалинку, Головин перевязал рану и потом усталыми, отяжелевшими ногами побрел дальше, в мокрую траву, в черные объятия деревьев, нервно выглядывая в темноте двух врагов. Один шел снизу, рос и вздувался болотом, другой хоронился с боков, со всех сторон, в белогвардейских заставах. Но потом второй враг отступил перед первым, болото сразу перешло в наступление, подступало к ногам и стало кругом зловещим кольцом.

Тогда Головин выбрался на возвышенную полянку и бессильно опустился у дерева. Одежда была насквозь мокрая и не хотелось делать ни одного движения. Уже не слышно было дальних глухих ударов. В ушах стоял шум, глаза бессильно смыкались в болезненной дремоте.

А дождь все шел и шел. Казалось, что он уже никогда не прекратится.

ГЛАВА II.

Загадочный человек.

Когда Головин проснулся, то сквозь густую сеть веток уже пробивался рассвет. какой-то зеленый и мрачный.

В ногах была ужасная тяжесть, а голова гудела от боли. Дождь уже перестал идти, но видно было, что он шел всю ночь. Кругом стояла вода. Тысячи стволов выросли из воды и уходили вдаль. Стояла тишина, нарушаемая шумом падающей с листьев воды.

Головин встал и наудачу пошел в ту сторону, где как ему казалось было суше. Вода доходила ему до щиколок и временами поднималась до колен. Внезапно, прямо впереди, меж деревьев засветлело. Головин ускорил шаг, вязкая почва вскоре начала подниматься, и впереди стала видна полянка.

Вдруг Головин сразу остановился и, укрывшись за дерево, стал всматриваться вперед... Там стоял дом!

Небольшая деревянная избушка, черная от дождя, стояла на пригорке, рядом с грудой бревен и высокой стеной кустарника.

Головин хотел уже взглянуть на полянку, как увидел там еще нечто, что заставило его остановиться. Там был человек. Человек этот сидел верхом на трубе, выходящей из крыши избушки, курил трубку и, что-то насвистывая, болтал ногами в такт.

Головин остановился в нерешительности, но долго

высохнет болото, невозможно. Головин нащупал наган и шагнул вперед.

Человек на крыше сразу заметил Головина. Он минуту глядел на него, потом махнул рукой.

— Алло, дружище! Доброе утро! — крикнул он. —

Там стоял дом.

Вот чудесно, что решили завернуть к нам в гости, в наш скромный отель. Вы пришли пешком? Ну подходите поближе.

С этими словами человек прыгнул с крыши на землю. На нем была рубашка без пояса, он был босиком, и в подвернутых до колен штанах.

— Приятная встреча! — продолжал он говорить. — Если вы не вынырнувший утопленник, то мне придется только удивляться, как это чорт вас вынес сюда, из мертвого болота!

— Да, действительно, — отвечал Головин, остановившись на некотором расстоянии и продолжая рассматривать незнакомца, — действительно, это не лес, а почти непроходимое болото...

— Почти?! — и человек расхохотался. — Не почти, а самое настоящее грандиозное болото, без единой тропки. Я уж эти места знаю, будьте спокойны!..

Сказав это, он тоже окинул Головина пытливым взглядом, как бы прощупывая его насквозь и пытаясь увидеть — кто он.

не раздумывал. Выбраться отсюда по всей видимости, невозможно. Голод, жажда и больное тело не позволят вообще ходить долго. Ждать где-нибудь в лесу, пока

Головин нерешительно взглянул на дверь и на собеседника. Глаза их встретились, глаза с опасливыми огоньками. Новый знакомый кинул изысканно-вежливо:

— Пожалуйста заходите... вам надо согреться! — И как бы между прочим добавил: — Я здесь один, места хватит обоим...

И еще тише и небрежней крикнул:

— ... Тем более, что мы можем оказаться друзьями...

Головин быстро взглянул на него и понял, о чем он говорит.

В избушке была маленькая передняя, за ней следовала первая комнатка, в углу была печь, стояла койка, столик, а стены оклеены потемневшими газетами. Из первой комнатки дверь вела в другую, меньшую.

— Ну-с, располагайтесь! В вашей одежде по меньшей мере шесть ведер воды и она вдвое тяжелее вас. Вряд ли приятно таскать на себе такую обузу! — и с этими словами обитатель избушки подошел и стал возиться у небольшой печки. Головин, снимая шинель, продолжал украдкой рассматривать говорившего. Полная, небритая физиономия, пожилой возраст и маленькие, глубоко-сидящие глаза. Эти глаза все время оставались испытующе-подозрительными, даже когда лицо смеялось. От этого контраста лицо казалось точно искусственной маской. И вся фигура с осанистой грудью, засученными штанами и босыми волосатыми ногами, казалось, требовала какой-то блестящей и важной одежды и здесь была не к месту...

— Вы, конечно, голодны. Можно предложить вам наше блестящее меню... — И на столе появилась жестяная тарелка с разведенными консервами и кусок сухого хлеба. Головин проглотил этот обед очень быстро.

— А теперь давайте познакомимся! — И лесной житель встал по военному: — Николай Игнатьевич Бренер...

Головин быстро вскинул глаза. Кто же, кто он этот человек? Лесной сторож — не может быть. Отставший от армии? Красной? Белой? Но человек назвавшийся Бренером добавил, закуривая трубку:

— ... Российский житель. Сердцеед и весельчак по профессии... А теперь докладывайте кто вы, и как сюда вас занесло?

И он быстро вскинул глаза на Головина. И снова тот неприятный огонек в глазах, который так не шел к этому шутивому тону и заставлял настораживаться. Тут Головин еще раз пожалел, что так опрометчиво поспешил войти в хижину. Но потом решил, что у обоих шансы одинаковые. И ответил медленно, смотря по сторонам, как бы между прочим:

— Бродил по лесу, знаете... Житель из этого городка... Ну, дождь... Попал в болото... Чуть не утонул, представьте!

И знал, что никому ничего не объяснил. Но Бренер, как бы вполне удовлетворившись, стал говорить о болоте, лесах и местных певчих птичках.

— Скажите, — спросил Головин, — что это за хижина, и кто в ней жил?

— Здесь раньше велись работы по прокладке дороги и усушке этих чортовых болот. Здесь складывался инструмент и жили сторожа. С фронтом, понятно, люди плюнули на всякие усушки. Вон посмотрите, остались лишь затопленные остатки.

И Головин, действительно увидел тянувшуюся за хижинной насыпью, из которой торчали балки и камни. По обеим сторонам насыпи были проложены канавы с водой.

Когда странный незнакомец вышел из хижины, Головин снял одежду и, развесив ее у печки, начал

тщательно рассматривать помещение. Взгляд его упал на койку; он подошел к ней и приподнял разостланную шинель:

— Да... — пробормотал он... — шинель военного образца. У нас таких как-будто нету. Словно на них не достает погончиков...

Стал у печки и задумался. В окне виднелась спина Бренера, коловшего дрова. Она нагибалась и поднималась в такт ударам топора.

Стемнело. Бренер вошел и зажег маленькую, коптящую лампочку.

— Давайте что ли покушаем от нечего делать, как сказал человек, которого четыре дня не кормили.

За подогретыми консервами вели самый отвлеченный разговор.

— Сейчас опять пойдет дождь, — сообщил Бренер. — Подлая прорва! Она заставит не одну неделю торчать на этих бревнах двух порядочных джентльменов... А вы давно из города? Как же это вы отстали от своих... Наверное при отступлении?..

И Бренер украдкой пытливо взглянул на политкома. Но тот не дал себя на удочку и спокойно отвечал:

— Да, возможно, что как раз кто-то отступал... Но я же был один. Заблудился и... А что, разве было отступление? В какую же сторону вы отступали?

Бренер так же спокойно, затягиваясь трубкой, ответил:

— Не знаю, право, в какую сторону они отступали. Я ведь был занят своими делами! — и он встал, направляясь к койке. — Так я говорю, что сон, по уверениям докторов, иногда благотворно действует на организм...

ГЛАВА III.

Борьба за хижину и мясные консервы.

Головин забрал шинель и прошел во вторую комнату. Нашупал в темноте койку и лег, укрывшись шинелью. Безжалостно слипались веки и туманилась голова. Тогда вздрагивал, щупал рукой револьвер в кармане и смотрел на дверь соседней комнаты. Она была освещена коптилкой и за ней было тихо.

Бороться с дремотой было трудно и иногда она побеждала. Вот опять вздрогнул, очнулся и посмотрел перед собой. И вдруг почувствовал или услышал в воздухе неуловимое что-то. И вспомнив, быстро повернул голову к двери... Там, наклонясь вперед, стояла темная фигура Бренера. Он смотрел своими маленькими глазами, прямо на Головина, потом увидев, что тот проснулся, быстро шагнул ближе и произнес:

— Довольно валять чортову бабушку молодой человек. Извольте сообщить, кто вы такой? Или я вынужден буду доставить вам маленькое удовольствие прогуляться напрямиком на тот свет...

— Удовольствие, конечно, не из больших... — начал Головин, осматривая внезапного врага и обдумывая положение.

— Ну, поторопитесь с ответом, не извольте протягивать рук к вашим карманчикам и держите их под шинелью. Иначе...

В руке оказался наган, который в следующую же секунду находился у виска политкома.

Головин увидел, что положение требует только одного наиболее верного выхода. Он откинул голову и, изобразив на лице и гнев и безнадежность, произнес:

— Ну что-ж! Стреляйте, вы, красный ихтиозавр... Стреляйте!.. Я не буду просить пощады...

Револьвер дрогнул, глаза Бренера заблестели. Головин смелей и громче продолжал:

— Я умру как честный офицер русской армии!..

Револьвер исчез в кармане. Протянутая рука дрожала в крепком пожатии.

— Дайте вашу честную мужественную руку! Простите старого вояку... Откуда, простите... Капитан? Какого? 118-го?! Итак, — Бренер вытянулся во фронт и крепко сомкнул лоснящиеся кальсоны, — честь имею представиться: поручик бывших царской и добровольческой армий — Николай Игнатьевич Бренер. Преклоняю свои седины перед вами, господин капитан! А пока вам нужно выспаться. До завтра в общем. Адью!..

В безмолвной тиши и с роем мыслей, сидел новоиспеченный капитан, решая план действий. Прождав часа два, Головин тихо встал и направился к двери. Здесь он вынул из кармана наган и выглянул в соседнюю комнату. Светит коптилка, но койки не видать. Нужно обогнуть печку. Головин шагнул вперед шаг, два шага. Угол печки. За печкой койка. Но койка... пуста! Где поручик? Головин круто обернулся назад. Там, у стены за дверью, стоял Бренер. Это была секунда. Бренер скрестил руки и улыбался холодной, злой улыбкой. В следующую он выстрелил. Пуля попала в какую-то чашку, та упала с полки на стол. Лампочка закачалась, перевернулась, потухла.

— Ты думал, что я на все сто тебе сразу поверил?! Негодяй!..

Опять выстрел. Головин у наружной двери выстрелил по направлению голоса и, рванув дверь, выскочил наружу. Обогнув дом, он услышал за собой шаги погони. В четыре прыжка он очутился за домом, перепрыгнув канаву, вскочил на насыпь и, спрыгнув с другой стороны, остановился за ее прикрытием. Сам стрелять он не мог. Там у дверей избышки был выбит тот единственный патрон, который оставался в нагане!

А со стороны дома раздался сперва еще один выстрел, потом проклятье, звонкий стук брошенного на камни металла и бегущие шаги. Затем шаги у насыпи, тяжелое дыхание и еще партия проклятий.

Но никто не ругается долго с молчаливой темнотой. Бренер ушел к дому.

Головин пошел медленно вдоль насыпи к опушке леса. Присев под деревом на груды щебня, предался размышлениям. Он выпнан! Да, он вынужден был позорно отступить. Но борьба еще не кончена. Однако, какая странная и нелепая получается история.

Хочется растянуться... Вдруг Головин в воспоминаниях о последних минутах натолкнулся на одну вещь... Звон о камни. Бренер выстрелил и бросил револьвер. Неужели и у него вышли все патроны?! Надо проверить. Но завтра Бренер вспомнит про наган, а потому нужно это сделать теперь же.

Головин пошел к избышке. Здесь он долго и тихо исследовал руками землю, время от времени прислушиваясь. Вот камни... Вот он! Поднял револьвер, побежал к лесу, сел на прежнее место и зажег спичку. Так и есть. Все патроны в нагане выбиты. Головин забрался в кусты, по возможности поглубже, и прилег, пытаясь не спать.

Так кончился первый день на лесной поляне.

Весь следующий день Головин бродил вокруг поляны, прячась за деревья и не спуская глаз с хижины. Там было тихо. Только два раза плотная фигура человека выходила оттуда. И то не отходила далеко, а возилась около бревен.

К ночи, Головин голодный и измученный решился на отчаянные действия.

Он подошел к избышке с той стороны, где не было окон, осторожно толкнул дверь. Она была на запоре.

Тогда, среди щеп под бревнами, он нашел смолянистую палку и здесь вспомнил о том, про что забыли оба врага. У бревен лежал топор. В руках было единственное теперь опасное оружие! Подошел к окну второй комнаты и осторожно отогнул топором гвозди, которыми держалась слабая, наспех сделанная рама. Приподнял ее с нижнего края и приложил ухо к отверстию. Внутри, из другой комнаты, слышалось громкое дыхание спящего человека. Вырвать раму и вскочить внутрь было делом одной минуты. Очутившись в комнате, зажег спичку и поднес к смолянистой щепке. Та вспыхнула и осветила стоящего в дверях Бренера. Головин прыгнул и взмахнул топором, но тот отскочил в первую комнату. Щелкнула задвижка и босой

В руке оказался наган.

поручик уже выбегал на двор. Он успел только бросить камнем в дверь и исчез за кустами. Головин, видя убегающего поручика, закрыл дверь, стал посреди комнаты и весело крикнул:

— Боевой приказ выполнен, местность очищена от золотопогонников!

Вставил выбитую раму, потом лег на койку, положив около себя свой боевой трофей — тяжелый топор и закулив старую трубку господина поручика.

ГЛАВА IV.

Белый флаг.

Герои поменялись местами и весь следующий день поручик бродил вокруг поляны, босиком и по холоду, громко чихая и кашляя.

Однако, противник в следующую ночь пришел с более усовершенствованным оружием. Он принес длинную палку, которая могла разить на большем расстоянии, нежели топор. Поручик обладал к тому же всеми преимуществами знания топографии и особенностей данной местности, что и не замедлило вскоре сказаться.

В эту ночь Головин проснулся от легкого и непонятного шороха. Зажег свет, осмотрел окна и стал укреплять дверной запор, но кинутый в голову камень его оглушил на мгновение и в тот же миг, с потолка прыгнул человек. Головин схватил топор, но поручик нанес по лицу два удара длинной и увесистой палкой. Головину удалось все же пробиться к двери и, размахивая топором, одной рукой отодвинуть засов, отступить за пределы хижины.

Бренер праздновал победу. Он проник в дом через дырявый потолок и крышу, в которой, как ему было известно, две доски приподнялись. Его расчет на неожиданность нападения сполна оправдался.

Теперь для Головина настала очередь голодать. Бренер же, по обыкновению, ожидал нападения только ночью. И вот Головин подкрался к нему из-за стены дома днем, когда тот вышел за щепками. Обух топора внушительно прошелся по его спине и летел еще за ним шесть метров по направлению к лесу. Избушка еще раз сменила своего хозяина.

Ночью Головин не спал, но ночь прошла тихо и спокойно. Утром же он увидел вдали длинную палку, воткнутую в кучу хвороста и щепня; на палке болтался белый флаг, а ниже был припилен кусок бумаги. Головин решил, что это какая-либо пакостная ловушка со стороны бродячего поручика и не подошел к белому флагу. Но лежа на койке в этот день он много думал

С потолка прыгнул человек.

о том, что дальнейшая борьба за хижину с вечно изменяющим успехом бессмысленна, безнадежна и подтачивает силы.

Головин затер накрепко все окна и дверь и начал осматриваться. В углу на полке, среди котелков и чашек, он обнаружил ящик с несколькими кусками сухого прессованного хлеба и немного соли. Но где-то должен же быть тот источник, откуда брались консервы. И он был найден. Около печки в полу был люк, который вел в маленький погребок. Вместе с мусором и разными коробками там нашелся, наконец, ящик с мясными консервами.

Головин вылез, закрыл подполье и лег на койку. Лежал и думал. Вдруг раздался знакомый шорох. Теперь было уже ясно, что он идет сверху. Головин быстро зажег лампочку и, схватив топор, стал слезать за большим отверстием в потолке. Но удара от-

туда не последовало, а через некоторое время в отверстии показалось бледное лицо Бренера, а затем послышался и его голос:

— Слушайте, Головин! Бросьте топор. Я не думаю нападать, а пришел с предложением. Выслушайте мои доводы.

— Выкладывайте! — ответил Головин. — Возможно, что ваши соображения будут взвешены и обсуждены...

— Бросьте этот тон! — крикнул голос сверху. — Имейте в виду, что у нас силы равные. Избушка, если мы, конечно, не придем к соглашению, — будет переходить из рук в руки. Надеюсь, вы понимаете меня. Для нас обоих в этом мало толку. Почетный мир...

— Гарантии? — спросил Головин.

— Гарантиями будет то, что мы проведем совместное разоружение. И так, подумайте до завтра. А сейчас бросьте мне кусок хлеба с солью. Так. Мерси. Завтра, в случае согласия, выходите к белому флагу на открытую полянку... Спокойной ночи!

На другой день у белого флага, сделанного из кальсон поручика, мир был заключен и условия были приняты обеими воюющими сторонами.

Вечером сидели у копящей лампочки и играли в шашки, вырезанные из коры деревьев. Поручик рассказал несколько веселых историй, после чего легли на свои койки в разных комнатах. Но ни один не спал и каждый чутко прислушивался к соседней комнате. Бренер не выдержал первым. Он встал и подошел к двери:

— Послушайте. Давайте договоримся!.. Дверь закрывать... С обеих сторон...

Головин понял. Они тщательно закрыли и подперли дверь, каждый с своей стороны. Через несколько минут мерный храп, раздававшийся в обеих комнатах, говорил о тяжелой усталости нескольких бессонных ночей.

Утром лесная поляна проснулась мирной маленькой республикой.

— Головин! Полезем на наш наблюдательный пункт! — предложил Бренер. — Наш небоскреб находится на возвышенном месте и с него окрестности видны не хуже чем с собора Петра и Павла в Риме.

И действительно, с крыши хижины была видна поверхность леса, расположившегося в ложбине и за ним зеленые холмы поля. Затем обследовали окраины поляны и измеряли глубину воды: болото пока и не думало отступать. Головин сделал ножом пометку на стволе дерева, чтобы судить потом об уровне воды.

Жизнь налаживалась. В свободные минуты рассказывали друг другу анекдоты и играли в шашки, но затрагивать щекотливые темы опасались. Были выработаны взаимные обязанности. Головин взял на себя распределение продовольственных запасов, а Бренер ведал общественными печами и приготовлением пищи. На долю политкома выпало еще сохранение чистоты и коммунального благоустройства, равно как метеорологические и геофизические наблюдения за дождем и болотом. Хворост и другие виды топлива поставлялись коллективно.

Это случилось через три дня после заключения мира и на десятый день жизни в лесном доме среди болот.

ГЛАВА V.

С ножом в кармане.

Бренер посмотрел на Головина и его глазки сверкнули. Потом он вынул трубку, набил ее табаком и задумчиво произнес:

— Что-то там теперь?.. Где жизнь! Люди, газеты, новости! Может быть фронт уже отодвинулся далеко-далеко... К Москве...

— К Варшаве! — поправил Головин.

У Бренера вспыхнули глаза.

— Уж не думаете ли вы, что Красная армия победит?!

— Именно это я и думаю, даже уверен.

— Глупо. Да, что мне говорить с большевистским прихвостнем! Разве можно честному человеку иметь вообще какое-либо дело с таким человеком, как вы?!

— Да и я не говорил бы с вами! Будь у меня возможность, то расстрелял бы вас у первого дерева, господин поручик.

— Чорта с два!

— Посмотрим!

— Посмотрим!

Кричали до хрипоты и легли спать обозленные. Утром Бренер язвительно усмехнулся и пробормотал:

— Победили... Как-же!...

Головин тоже усмехнулся.

— Чего вы, ваше благородье, так изволите сиять! Может телеграммки получили... О победе христобого воинства?!.. А?..

Вместо ответа поручик в одних кальсонах демонстративно зашагал по комнате и, размахивая руками, запел по мальчишески:

Смело-о мы в бой пойдем,
Заа-а Русь святую!...

Потом вскочил на стол. Голос у него был сиплый и пронзительный. Белые кальсоны сползли вниз с полного живота и раздувались от ветра из двери.

Головин плюнул и вышел. Он дошел до болота и посмотрел на зарубку; вода изрядно спала.

На двенадцатый день пребывания в лесном доме Головин заметил некоторые странности в поведении поручика.

Когда политком, нагнувшись, вытаскивал из под бревен смолянистую щепку, то слышал сзади тихий шорох. Он быстро обернулся и увидел поручика, держащего в руках толстую палку. Бренер бросил палку и произнес, глядя в сторону:

— Как вы думаете — эта палка вряд ли будет гореть в печке?

— Да, — ответил Головин, пристально взглянув на поручика — я тоже думаю, что она не загорится...

Вечером полез в погребок и вытащил все запасы для подсчета. Увы! Надвигался явный кризис продовольствия. Оставалось две банки консервов, три куска хлеба и полпачки махорки. Эти запасы были вскоре уничтожены. Оставалось полбанки консервов, которую два жителя лесной поляны бережно делили, и оба думали о вредных дармоедах, нуждающихся лишь в стенке. В стенке и порции свинца.

ГЛАВА VI.

Глаза смерти.

Бренер стоит на крыше избушки, стоит и смотрит вверх леса, на ложбину; чего-то ждет. Он знает, что лес в той стороне уже просох, болото отступило. Там могут ходить люди! И оттуда длинным и голодным днем слышится какой-то шум.

Старый поручик первым увидел людей. Люди прошли по ложбине всего в каких-нибудь ста метрах от

избушки. Это шли солдаты. Бренер радостно засмеялся и напряг свои глаза. Какие это солдаты? Если красные... Нет. На серых шинелях красными точками мелькнули погоны. Бренер раскрыл рот. Если он крикнет посильней, то его услышат... Но вдруг сзади раздался спокойный голос Головина:

— Спокойно, Бренер! Прежде чем вы раскроете рот, вот эта дубина разможжит вам голову!

Бренер не мог повернуться назад на узкой крыше. Он быстро нагнулся и прыгнул на землю. Вернулся в дом и уже не выходил до вечера. Но когда пришел Головин, то увидел, что последнего кусочка хлеба и консервов завтрашней порции на двоих уже нету. Головин посмотрел на Бренера. Тот вызывающе молча усмехнулся.

Так потянулись длинные дни. Дни голода и вражды, тягучие и томительные, как кошмарная болезнь.

Беспрерывно жгло и мучило внутри, слабела и кружилась голова. Два человека по ночам не спали и упорно и молча выслеживали друг друга. По утрам Головин находил еще силы дотащиться до тех зарубок, которые говорили о медленном и ежедневном отступлении болотного кольца. Бренер же совсем не вставал с койки. Он только беспрерывно курил трубку, набитую остатками табаку и листьев.

К вечеру подул сильный и холодный ветер. За окнами стало темно и мрачно. Ветер в лесу был протяжно и жутко, врывался во все щели избушки, шуршал крышей и задувал слабый свет коптилки. В темное стекло окошка застучал редкий дождик, точно барабана по окну холодными пальцами. Два человека молча наливали из котелка пустой кипяток, вливали его в пустые и стянувшиеся кишки и старались не смотреть друг на друга. Две громадные тени на стене быстро и пугливо качались.

— Головин... — вдруг произнес Бренер, — вы верите в бога?

И он пылливо уставился на Головина. Лицо его было странное и глаза блеснули.

— Станный вопрос! — пожал плечами Головин. — Конечно, нет.

— А вы думаете погибнуть?..

— Я это сумею сделать как с богом, так и без него. С одинаковым успехом.

— Головин! Я хочу сказать, что вы можете сегодня прочесть молитву...

Головин вопросительно посмотрел на говорившего. Тот встал и его большая дикая тень закачалась в такт новому, свистящему порыву ветра. Бренер сказал коротко:

— Я вас сегодня убью.

И, еще раз посмотрев на Головина, повернулся к своей койке.

— Не будьте самонадеянны! — кинул Головин и направился в свою комнату. Слабые ноги покачнулись, и Головин схватился за косяк двери. Прикрыл дверь, стал задвигать деревянные засовы и подпорки.

— Что, думаете отгородиться запорами?! — раздался голос Бренера. И потом вдруг захохотал, дико и громко. Головин вздрогнул.

Дотащившись до кровати, тяжело повалился на нее. Стал немедленно засыпать. В соседней комнате послышался шорох. Головин привстал и начал прислушиваться. Все стихло. Потом опять заснул. И через некоторое время снова проснулся. Все было тихо кругом, только ветер выл и стонал за окном, кидая капли дождя. Вдруг рядом в комнате раздались шаги.

Они четко и прямо направлялись к двери. Потом громкие и сильные удары кулака в дверь потрясли тишину.

Головин вскочил и бросился к двери. Подпорка отпала и засов расшатывался. Непрерывные удары в дверь продолжались с возрастающей силой. Дверь треснула. Головин налег на нее телом. Но в следующую минуту он вместе с сорвавшейся с петель дверью был отброшен назад.

Дикий, растрепанный Бренер держал в руках большую дубину. Головин схватил с земли тяжелую подпорку и отскочил в сторону. Но дубина успела опуститься на его голову. В глазах заискрилось, но удержался на ногах, сделал прыжок и, схватив маленький столик, кинул его под ноги бегущему Бренеру. Тот споткнулся и упал. Тяжелая подпорка три раза ударила его по спине и голове, но в следующее мгновение он был уже на ногах и новый удар заставил Головина покачнуться. Еще раз собрал все силы и ударил подпоркой по дубине Бренера. Дерево хрустнуло и дубина, отлетев в сторону, упала на пол.

Тогда озверевший Бренер бросился с голыми кулаками. Палка била его по рукам и лицу, но он лез, наваливался всей своей тушей. Ослабевший Головин попытался увернуться в сторону, но крепкая рука схватила его за горло. Захрипел и в глазах сразу потемнело. Связанный по рукам и ногам веревкой, видел над собой искаженное лицо Бренера.

— Смотрите, Головин! — хрипел поручик. — Я могу вас сейчас разрезать на куски, сжарить на огне, вырвать язык и на лбу вырезать красную звезду... Красноармейскую!.. — здесь Бренер замолчал на минутку и показал на дрожащее от ветра окошко. — Вы слышите, скребутся мертвецы. Пришли оттуда с болота. Они поют вам похоронную песню.

И вдруг он опять громко и дико захохотал.

— Что он, — подумал Головин, — в самом деле сошел с ума или шутит?

Тогда Бренер схватил его за веревку, связывающую его локти за спиной, и потащил. Головин ударился лбом о порог хижины. Через мокрую полянку, к лесу. Остановился. Желтая луна выглянула из-за туч и осветила двух людей на пригорке. Один стоял над другим. Бренер говорил быстрым срывающимся голосом:

— Слушайте! Там на юге, в Киеве, у меня были два дома... Сад с персиками... И брат-полковник, Алеша. Его расстреляли ваши... И вот теперь, с какой радостью, с каким наслаждением я убью вас, как

одного из этой банды... О, эта хамская поднывавшая мразь... Я это сделаю за всех.

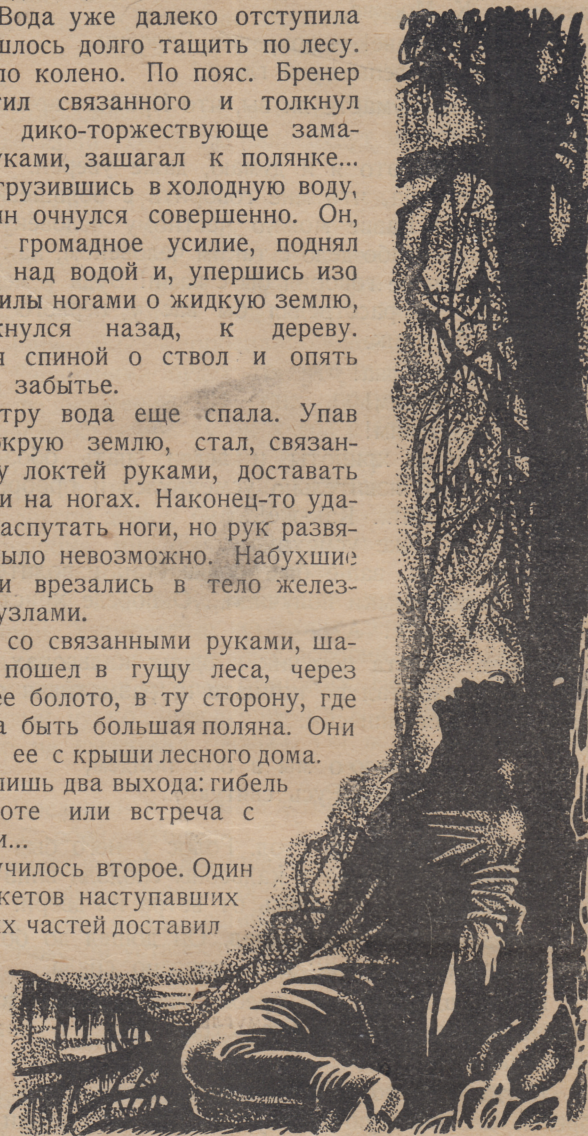
Он дотащил Головина до болота. Вода уже далеко отступила и пришлось долго тащить по лесу. Вода по колено. По пояс. Бренер отпустил связанного и толкнул его. И дико-торжествующе замахав руками, зашагал к полянке...

Погрузившись в холодную воду, Головин очнулся совершенно. Он, сделав громадное усилие, поднял голову над водой и, упершись изо всей силы ногами о жидкую землю, оттолкнулся назад, к дереву. Оперся спиной о ствол и опять впал в забытие.

К утру вода еще спала. Упав на мокрую землю, стал, связанными у локтей руками, доставать веревки на ногах. Наконец-то удалось распутать ноги, но рук развязать было невозможно. Набухшие веревки врезались в тело железными узлами.

Так со связанными руками, шатаясь, пошел в гущу леса, через осевшее болото, в ту сторону, где должна быть большая поляна. Они видели ее с крыши лесного дома. Было лишь два выхода: гибель в болоте или встреча с людьми...

Случилось второе. Один из пикетов наступавших красных частей доставил

Оперся спиной о ствол и опять впал в забытие.

в бригадный госпиталь промокшего и больного политкома, вышедшего из леса со связанными руками. В тот же день на лесную поляну пришли люди и сняли с крыши избушки размахивавшего руками человека, а вместе с ним и болтавшийся на палке сделанный из лоскутков бело-сине-красный флаг.

Мих. Лоскутов.

Загадочная картишка

Где дикарь, от которого
убегает эта зебра?

САМОСОЖЖЕНИЕ

Рассказ ГЕРБЕРТА ВИБЬЕН.

20 марта вечером на вокзал набережной д'Орсей в Париже прибыл специальный поезд с необычайными для него пассажирами. Вряд ли когда-либо этот космо-политический вокзал видел нечто более живописное. Все мужчины и женщины были в великолепных индийских одеяниях. Яркие восточные ткани, разноцветные драгоценные украшения переливались тысячами цветов. Согласно обычаям Востока; лица женщин покрывала полупрозрачная фата, сквозь которую темные глаза пугливо озирались по сторонам. Тяжелые плащи мужчин, расшитые золотом, богатые тюрбаны, украшенные камнями, казались взятыми из «Арабских ночей».

И когда сказочная процессия выстроилась на платформе среди изумленной толпы парижан, восемь скромно одетых индусов вынесли из прибывшего поезда роскошные золоченые носилки, в которых восседал, томно прислонившись к спинке, красивый, смуглый мужчина с черными чарующими глазами.

С его приближением, нарядная свита склонялась до земли. Когда носилки проследовали сквозь пеструю толпу и стали во главе, весь сказочный кортеж спустился с перрона и пешим порядком направился к центру Парижа.

Республиканский Париж, с его «свободой, равенством и братством», с его пестротой профессий, жадный до всяких зрелищ и имевший особое пристрастие ко всякого рода восточным принцам и принцессам, мог быть доволен — давалось пышное, невиданное представление.

Блестящая процессия проследовала через мост Александра к Площади Конкордии. Мужчины, женщины и дети останавливались, как вкопанные, с широко раскрытыми ртами. Многие приподнимали шляпы, приветствуя красивого незнакомца. Он же в ответ лениво подымал правую руку и с меланхолической грацией едва заметно кивал головой.

Никто не знал, кто этот прекрасный чужестранец. Несомненным была лишь знатность его происхождения. Некоторые предполагали, что это принц из французского Туниса; другие отвергали эту догадку, указывая на несоответствие в костюмах. Сведущие люди уверяли, что лишь религиозный обряд мог вызвать подобного рода процессию.

— Взгляните на их костюмы. Этот чужестранец должен быть сказочно богат. Сколько на нем драгоценностей, словно выставка всех сокровищ, хранящихся в недрах земли.

— Всякий знает, что Индия — страна, покрытая сплошь бриллиантовыми горами, ее пещеры полны рубинов...

Чья-то изобретательная голова высказала предположение, что это просто грандиозная кинематографическая труппа, прибывшая из Америки. И сказочный принц есть никто иной, как Чарли Чаплин, в своей последней роли. Но так как с'емщиков на-лицо не оказалось, то эта идея была решительно отброшена и парижане продолжали искренно наслаждаться зрелищем.

Процессия, между тем, подходила к Гранд-Отелю на улице Вилль. На встречу ей выбежал сам хозяин отеля в сопровождении слуг. С глубокими поклонами он вывел гостя из носилок и повел к главному входу.

Густая толпа любопытных, сопровождавших процессию, расступилась по обе стороны, горя нетерпением узнать имя высокого посетителя. Хозяин гостиницы, засыпанный градом вопросов, произнес, наконец, следующий спич:

— Это принц Катчавалах, сын и наследник Магараджи из Марсаганда, властелина почти всей Центральной Индии. Он очень утомлен после долгого путешествия и я надеюсь, что гостеприимные парижане отнесутся с уважением к его отдыху. Принц рассчитывает пробыть довольно долгое время в Париже, а потому впредь предвидится еще немало случаев для выражения своих чувств.

Парижская пресса в целом отметила приезд высокого гостя, не скупясь на описания его богатства, славы лучшего охотника, рассыпаясь в

похвалах его уму, дальновидности и пр., подготовив таким образом, ему блестящую встречу Парижа.

Четверо суток ждала любопытная толпа появления принца, но он упорно не выходил из отеля и тем самым еще более взвинчивал и без того уже напряженную атмосферу.

На пятые сутки в вечерних известиях появилась сенсационная новость: — принц заболел и положение его найдено довольно серьезным.

Париж заволновался. Посетители всякого сорта и ранга спешили в отель занести свое имя в книгу визитеров, испещренную самыми разнообразными медицинскими советами. Блестящего порядка в отеле больших трудов стоило охранять покой принца.

Больной с величайшим презрением относился ко всяким лекарствам и предписаниям медицинских светил, пользуясь лишь лекарствами своей страны. Но все великие знания Индии оказались бессильными: 29 марта газеты сообщили, что в ночь принц скончался.

За этим скорбным известием последовало новое сообщение: газеты наперебой описывали глубокую печаль его молодых прекрасных жен, оставшихся без всякого покровительства в чужой стране, совершенно изнеможенных от понесенной ими тяжелой утраты. Их стоны и рыдания, как рассказывали очевидцы, доносились до улицы Моделейн и Трокадеро. Владелец отеля проявлял необычайную любезность и внимательность к представителям прессы, сообщая им малейшие подробности, давая биографические сведения и предоставляя возможность делать фотографические снимки.

В ответ на эту заботливость он получал полное сочувствие и выражение симпатий, что ему было крайне важно, так как всякая смерть в отеле дурно влияет на его репутацию, а тем более смерть такого богатого и знатного гостя.

В кафе, ресторанах, на улицах не было другой темы для разговоров, кроме смерти знатного чужестранца. Эта тема варьировалась на разные лады и когда она, казалось, совсем уже исчерпалась, подоспел новый материал — погребение.

Согласно первому слуху — инструкции насчет погребения ожидалось из Индии, на что требовалось довольно продолжительное время; согласно другому — тело должно было бальзамироваться по установленному индусскому ритуалу.

31 марта, с быстротой, которой никто не ожидал, из Индии была получена телеграмма с подробной инструкцией, краткое содержание которой было таково:

Тело подлежит сожжению вместе с вещами умершего и самой молодой из жен, которая сжигается живой.

Это последнее предписание вызвало такую бурю протестов, сравнительно с которыми буря, вызванная делом Дрейфуса, казалась легкой рябью в стакане воды.

Сожжение праха умершего было делом необычным, разрушающим существующие устои, противным умеренной Франции и ее политикам; обряд же человеческого жертвоприношения, вызывал полное возмущение.

Старомодная газета задавала вопрос: каким образом цивилизованный, великодушный, демократический народ Франции может допустить церемонию убийства молодой прекрасной женщины в угоду каким-то варварским обычаям Востока?

Парижане поделились на два лагеря. Большинство требовало запрещения религиозного ритуала, другая же часть, включающая многих студентов восточной ориентации, заявляла, что обычаи предков должны быть уважаемы, и запрещение может вызвать возмущение всей Азии. Этот обычай самосожжения жены ведет свое начало в Средней Азии, с очень далеких, славных времен. Как могут индусы допустить, чтобы муж прибыл в рай один, без близких и дорогих ему лиц? Европейские жены дают обет верности только на жизненный срок, их же индусские сестры остаются верными и за гробом. Самосожжение рассматривается как особое счастье, выпавшее на долю женщины.

Вопрос все более и более обострялся. Не было никакого сомнения в том, что обряд самосожжения был неприемлем для цивилизованного общества и противоречил всем законам Франции, но с другой стороны, запрещение нарушало законы гостеприимства. Личность гостя была священна и нарушение дорогих для него традиций было недопустимо. Юристы и государственные мужи вели долгие совещания на этот счет, но не пришли ни к чему, — проблема оставалась неразрешимой. Между тем, время шло и истек срок указанный в инструкции, прибывшей из Индии. Свита спешно готовилась к церемонии.

Один из начальников свиты пожаловал к префекту полиции в сопровождении молодого европейца, служившего переводчиком. Свое посещение он объяснил желанием получить официальное разрешение на совершение обряда погребения, согласно инструкциям, полученным от магараджи Марсанганда. Префект попросил ознакомить его с деталями погребения.

— Тело принца, — сообщил посетитель, — будет перенесено, с соблюдением всех полагающихся обрядов, к ближайшему берегу реки. Согласно обычаю и традициям браминов, тело будет возложено на костер, сложенный из благовонного дерева на плоту. Начальник погребальной процессии будет находиться на барже, соединенной с плотом.

Как только закончатся полагающиеся моления, плот спрыснут ароматической смолой и священной водой Ганга. Все принадлежащие принцу вещи будут сложены на плот в порядке надобности, здесь же поместятся запасы провизии. Затем зажжется костер и тело его высочества превратится в золу и будет возвращено матери-земле.

Префект, минуту помолчав, произнес:

— Все это не совсем отвечает нашим законам, которые разрешают сжигать умерших лишь в определенном месте, в крематории. Однако, принимая во внимание, что это первый случай смерти браминского принца на наших берегах, с другой же стороны, учитывая настроение всех граждан Парижа, не желающих нарушать обычай гостеприимства, я даю разрешение на сожжение тела согласно изложенному вами ритуалу.

Индус низко поклонился.

— Мы очень вам благодарны! — произнес он с жаром, — но есть еще один пункт...

Префект бросил суровый взгляд.

— Я понял, — произнес он твердо, — дело идет о молодой жене принца!

— Да, мы хотели просить вашего разрешения...

— Об этом не может быть и речи! Парижане никогда не допустят, чтобы в стенах их города произошло сожжение молодой, прекрасной женщины, да еще под знаком священного обряда.

— Но молодая женщина идет по своему желанию, здесь нет никакого насилия.

Префект вытаращил глаза.

— И вы хотите меня убедить, что это так?

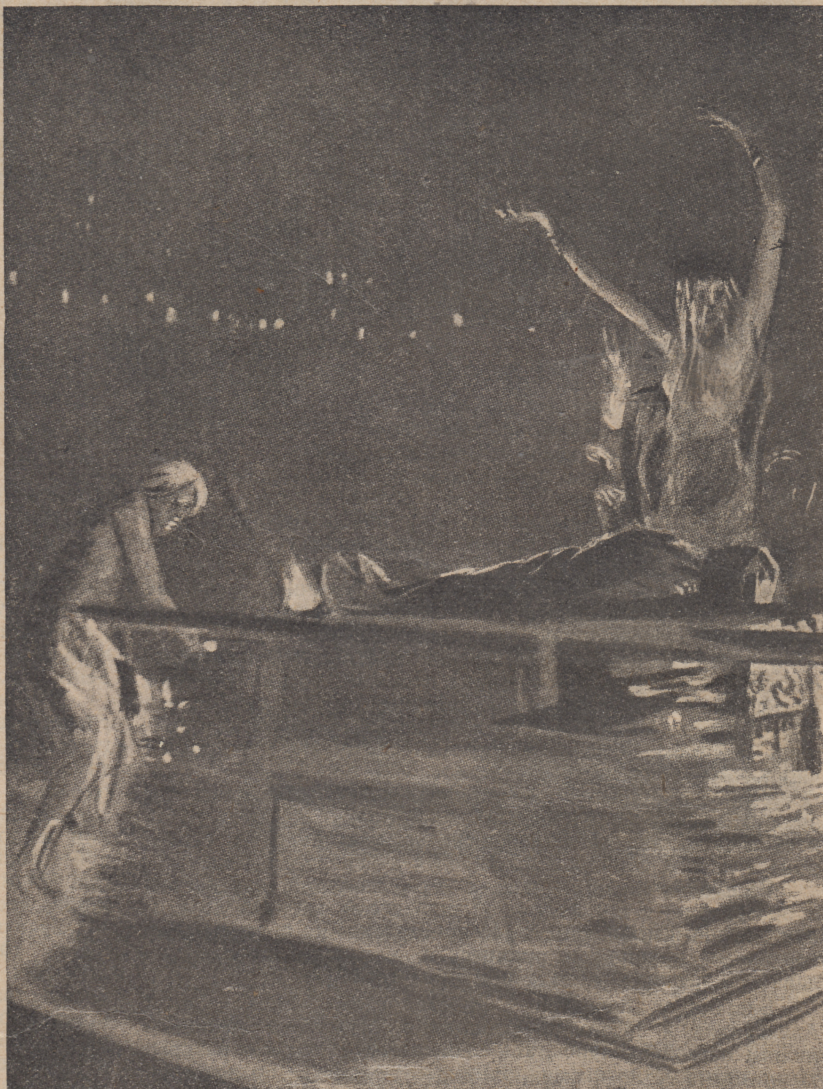
— Она идет на это с энтузиазмом. Другие жены завидуют ей, они знают, что только тот, кто умрет вместе с господином, будет пользоваться почетом и славой в загробной жизни.

— И несмотря на это, я все таки не могу дать разрешения.

Молодой человек стал умолять.

— Но ведь это ее личное желание! И я удивляюсь, что Франция, колыбель свободы, вмешивается в наши дела и не дает возможности совершить нам обряд погребения. Как вы можете заставить молодую женщину отказаться от ее решения? Она не хочет жить без мужа.

— Хорошо! Я желаю убедиться в том, что молодая

женщина идет на это по своей собственной воле! — произнес с некоторой язвительностью префект.

— Идемте с нами в отель и допросите принцессу.

Отчасти из любопытства взглянуть на героиню этого необычайного романа, отчасти желая получить новые аргументы для поддержки своего решения, префект принял приглашение.

Владелец отеля ввел их в приемную комнату первого этажа. Переводчик удалился вместе с хозяином, индус же скрылся за портьерой небольшой двери.

Во время продолжительного ожидания до слуха префекта из соседней комнаты доносился какой-то странный непрерывный шопот, временами заглушаемый звуками цимбал и грохотом барабана.

Это была странная, варварская музыка, не лишенная в то же время красоты и мелодичности. Она незаметно перенесла префекта в другую страну, страну чудес и мечтаний, где сожжение молодой прекрасной женщины не казалось, как в современной Франции, варварством. Он слышал короткие, резкие выкрики женщин со скорбными нотами плача. Не было сомнения, что жены принца и свита совершали над его телом моления.

Вдруг странная тихая музыка резко оборвалась, сменившись шумом удалявшихся ног. Откинулась портьера, и в дверях появилась молодая девушка в сопровождении переводчика. Ей не было еще шестнадцати лет, но на взгляд европейца она казалась вполне сформировавшейся. Тонкая вуаль закрывала ее лицо. На ней было желтое шелковое одеяние; прикрепленное на одном плече крупным бриллиантом, оно спадало до самого пола свободными складками вокруг ее стройной фигуры.

Она начала говорить по-французски с сильным восточным акцентом.

— Господин! — произнесла она с волнением. — Я не думала встретить столько жестокости и так мало сочувствия в Париже, который, как я слышала, зовется «Городом Света».

— Жестокости? В чем же? — произнес префект, с трудом сдерживая свою холодную кровь при виде исключительной красоты.

— Не разрешая мне сопровождать моего любимого мужа, согласно нашим обычаям.

Префект отвесил низкий поклон и произнес с галантным видом:

— Мне кажется, что такая прекрасная женщина должна стремиться жить. Наши французские женщины не похожи на ваших. Если они теряют одного мужа, то спешат найти взамен ему другого.

— Господин! — произнесла принцесса надменно. — Я должна просить вас прекратить богохульствование. И если у меня нет надежды тронуть ваше благородное сердце, то я вынуждена сама найти смерть, наложив на себя руки.

Префект бросил на нее взгляд полный сожаления.

— Я должен признаться, что никак не могу понять этого желания умереть. Вы, которая имеете все, чего только может желать женщина: молодость, красоту, богатство?..

— Что все это значит без любви? Неужели вы не понимаете, что, отправляясь вслед за своим мужем, я сохраняю радость любви, которая будет бесконечна... И я заявляю вам, что я последую за ним, какой бы ценой мне это ни досталось. Если вы не дадите разрешения, я заколю себя на его груди, как только его станут выносить отсюда.

Префект смотрел на не широко открытыми от изумления глазами, спрашивая себя, не грезится ли ему все это. Но интонация ее голоса была настолько искренна, что не оставалось никаких сомнений в ее желании умереть. Но как тут быть? Если пойти навстречу ее желанию, раздастся дикий крик во всем цивилизованном мире. С другой стороны, какой смысл противиться этому церемониалу если она все равно убьет себя? Но ведь можно дать распоряжение об охране и помешать ей покончить с собой?

— Я дам строгое распоряжение наблюдать за ней! — произнес он про себя. — Она сейчас находится в нервном возбуждении, вызванном этой религиозной манией. Если удастся охранить ее в течение нескольких дней, в ней вновь проснется желание жизни.

Она, казалось, прочла его мысли и сделала последнюю попытку упрямости. Но он был неумолим. Со сдавленным криком она упала в обморок к его ногам...

Префект поспешно спустился вниз и дал распоряжение полицейским занять отель и строго следить за всеми посетителями, т.-к. волнение парижан достигло к этому моменту крайних пределов.

Каждому хотелось получить ответ — будет ли или нет принцесса подвергать себя саможжению. Тайна хранилась в наглухо закрытом кабинете парижского мэра. После жарких прений, большинство совета склонилось в сторону разрешения погребальной церемонии.

Около центрального моста через Сену шли спешные приготовления. На плоту сооружался священный костер из смолистого дерева. Этот плот соединялся с баржей, разукрашенной коврами, золотом, флагами, живыми цветами. Самый костер был сложен очень живописно с множеством священных даров, приготовленных на сожжение вместе с телом принца.

Огромная толпа наблюдала за приготовлениями доколе невиданного в Париже зрелища, стараясь не упустить ни одной детали этого единственного в своем роде представления.

К заходу солнца толпа возросла до невероятных размеров и начала заметно возбуждаться. До самого последнего момента никто не знал, дадут ли власти разрешение и произойдет ли саможжение принцессы или нет?

Наконец стало известно, что церемониал начнется в полночь и продлится часа два. Так как была чудная весенняя ночь, то, несмотря на поздний час, тротуары были полны и никто не помышлял о сне. Зрелище смахивало на ночной карнавал. Публика запаслась вином, апельсинами, кое-где раздавалась музыка, пение.

Противники человеческих жертвоприношений производили громкие спичи, понося подлые умы разрешающие подобные варварства. Это напоминало времена гладиаторских игр древнего Рима. И когда при последнем двенадцатом ударе часов раздалась странная музыка варварских инструментов, извещающая о том, что процессия вышла из отеля, толпа разом притихла.

Черная, волнуемая огромной. Сплошная движущаяся, шумящая толпа на берегу казалась второй рекой. Впереди процессии шли пажи в блестящих индусских одеждах и били в барабаны, повешенные на их шеях. За ними ехал начальник процессии в пурпуровом шелковом плаще, расшитом золотом. За ним следовал гроб, который покачивался в воздухе, покоясь на плечах шести знатных юношей. По обе стороны гроба шла стража, — отборные, высокие широкогрудые туземцы. Свет факелов играл на их желтых лицах причудливыми тенями, придавая всей процессии еще более фантастический вид.

За гробом шли жены принца в тяжелых покрывалах с низко опущенными головами. Скорбная печаль утраты, казалось пригнала их к земле. Свое горе они выражали проникновенными ритмическими воплями.

Париж не помнил подобных зрелищ. Солдатам приходилось продвигаться очень осторожно. Толпа при при-

ближении процессии склоняла головы. Шествие, наконец, приблизилось к центральному мосту. Гроб с величайшими осторожностями на веревках был спущен на плот и возложен на костер. Индусы приступили к своим священным обрядам.

Гул огромной толпы стал понемногу замирать и, наконец, наступила полная тишина. Все глаза напряженно устремились в одну точку, всех занимала одна мысль.

Освещенный плот вдруг дрогнул и медленно, медленно стал удаляться от берега, увлекаемый баржей, в которой помещались члены семьи. Зрелище было жутко-величественное. Толпа напряженно созерцала. Баржа достигла середины реки и стала на якорь.

Приближался главный момент.

Сердца мужчин замерли, мозг пронизала словно электрическая искра. Возбужденные лица казались ненормальными: на плот вступала фигура женщины, закрытая покрывалом, с возведенными к небу руками. У зрителей не оставалось никаких сомнений: она шла на смерть. Все ближе и ближе двигалась она к костру и, наконец, коснулась сложенных дров. И в этот момент жуткую тишину разорвали чарующие душу звуки — индусские скорбные плачи; огромное облако густого дыма взвилось к небесам и совершенно окутало костер и жертву. Толпа замерла. Ни единого звука не раздалось среди треска костра.

И вдруг зрители ахнули в изумлении; на их глазах красное пламя костра заколебалось и стало принимать странные очертания: появилось туловище, голова, хвост и, наконец, появилась красная рыба, необходимая эмблема всякого веселого, дурашного дня. Вслед за ней взвился аншлаг, на котором крупными буквами было четко написано: «1-ое апреля».

На мгновение толпа растерялась, затем грозно загудела, загоревшись желанием мести.

— Нужно проучить этих негодяев, чтобы они знали, что парижан нельзя морочить безнаказанно!

Оглядывались вокруг, ища глазами индусов, но они канули как воду. Взмолвленные парижане ошетились, набрасывались друг на друга с расприсами.

— Кто осмелился так одурачить первую столицу мира. И пока на берегу все волновались, баржа, оказавшаяся сильной моторной лодкой, быстро удирала вниз по течению, брошенный же плот медленно погружался в воду...

И вдруг в толпе кто-то громко рассмеялся. Этот смех, вначале вызвавший бурю возмущения, оказался заразной бациллой: то здесь, то там, слышались смешки, и через несколько минут одураченная толпа пришла в свое обычное веселое настроение. Взрывы смеха доносились со всех сторон: толпа расходилась по домам.

На следующий вечер в одном из клубов, как всегда, собрались вместе верные его посетители. Разговор шел о происшествии прошлой ночи, строились догадки насчет виновников, все были крайне заинтересованы в том, чтобы их отыскать.

— Недурно сделано, не правда ли? — произнес Питер Вуд.

— Недурно?! — воскликнул один из посетителей. — Это самый необычайный трюк, который мне пришлось видеть за всю свою жизнь. И мы надеялись, что вы поможете нам отыскать его автора. Вы любите заниматься подобного рода делами.

Безобразное лицо Питера расплылось в широкую усмешку.

— Он перед вами! — был скромный ответ.

— Вы?

Собеседники от неожиданности подались назад.

— Вы хотите сказать, что вся эта чертовщина дело ваших рук. Но почему?

— Все произошло по вине Роджерса! — произнес он спокойно. — Он сказал мне, что я не смогу устроить в день 1 апреля такой занятной шутки, о которой будут говорить целый год.

— Так! И затем? — осведомились слушатели с нетерпением.

— А затем я могу сказать, что не ошибся... И действительно, думаю, что добился своего.

КАТАСТРОФЫ НА ВОКЗАЛАХ

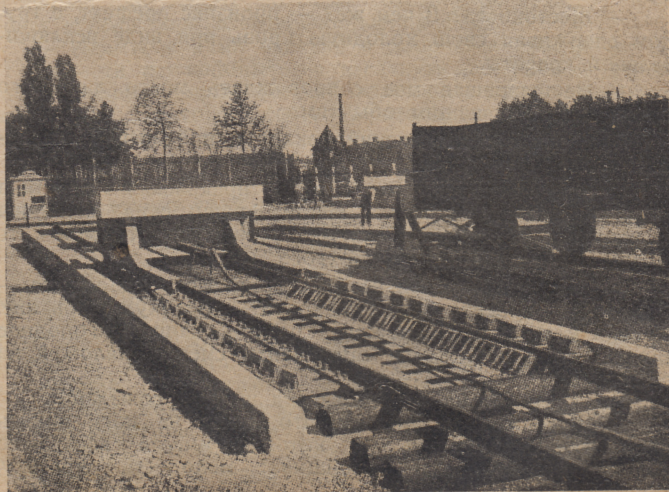
Большую опасность для поезда представляют собою неисправные воздушные тормоза. Результатом такой неисправности были многочисленные катастрофы с поездами на

станционных путях, происходившие как за границей, так и в СССР. Дело в том, что при неисправных тормозах машинист, въезжая на конечную станцию, не может затормозить поезд, и последний, сломав жесткий тупик, врежется в здание вокзала и ломает его.

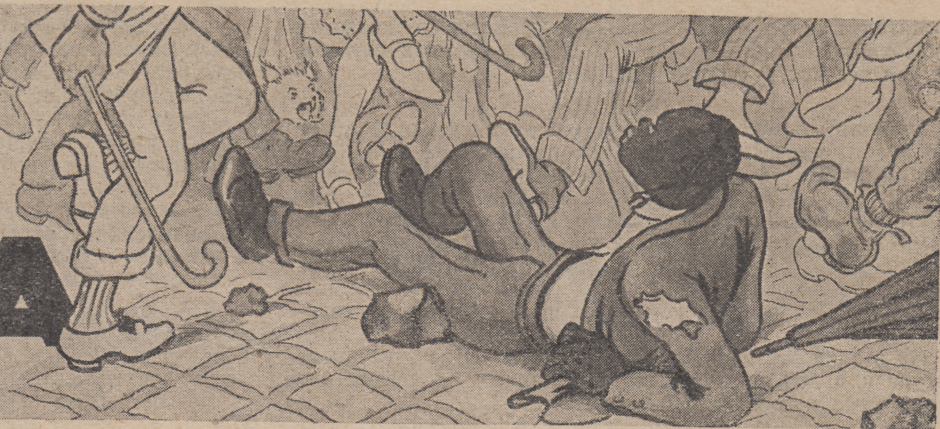
Чтобы предупредить подобные катастрофы, теперь стали устраивать не жесткие, а **подвижные** тупики, сослужившие уже хорошую службу. Устройство их очень простое: деревянный барьер скрепляется железными балками с деревянным помостом, под которым насыпается песок. Паровоз на полном ходу налетает на барьер и тянет его вперед, в это же время паровоз своей тяжестью давит на помост, который в своем движении вперед встречается с песком: громадное трение останавливает поезд на протяжении 5—7 метров. Этим простым устройством было уже предупреждено несколько железнодорожных катастроф на станциях.

Один из таких подвижных тупиков остановил однажды поезд-экспресс, несшийся со скоростью 70 км в час.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА

Очерк спец. корресп. „Вокруг Света“

Каждый из нас читал, конечно, трогательную повесть американской писательницы Бичер-Стоу о мучениях старого негра Тома и каждый из нас, читая ее, конечно, возмущался ужасными нравами и обычаями, существовавшими в Америке в то время. Теперь все мы искренно, от всего сердца радуемся, что времена тяжелого рабства прошли и, наконец, все люди, независимо от цвета кожи, свободны.

Напрасные грезы, мои дорогие читатели. Времена рабства прошли только официально, а на деле и поныне в Америке царит самое тяжелое и неприкрашенное рабство.

Я хочу сказать в своем очерке несколько слов о тяжелых условиях, в которых живут до сих пор ни в чем невиноватые черные мученики, но для этого мне необходимо будет заглянуть в давно пожелтевшие страницы истории черного народа.

***

Черные рабы существовали в давно прошедшие времена римской империи и ввозились туда торговыми караванами по течению Нила; об этом у нас сохранились совершенно точные исторические данные. Затем мусульмане, покорившие и занявшие все побережья Средиземного моря, развили этот обычай и начали привозить негров-невольников даже в пределы Италии и Испании; когда же, наконец, христиане покорили турок, то много старинных испанских семей, в свою очередь, сохранили эти традиции и занялись этим выгодным промыслом.

В XV веке португальцы, постепенно продвигавшиеся вдоль африканских берегов, считали своим долгом привозить на родину нескольких негров, бывших для них одновременно слугами и экзотической редкостью, вызывавшей удивленное восхищение сограждан.

Капитаны корсарских кораблей начали заниматься продажей негров-невольников на Азорские острова и на Мадеру тамошним плантаторам уже в качестве живой мало стоящей физической силы. Негр на наши деньги стоил тогда около 5 рублей. Плантаторы не замедлили оценить их ловкость, выносливость и физическую силу; спрос на негров усилился.

Наконец, открытие Америки окончательно узаконило и усилило торговлю неграми в самых широких размерах.

Португальцы, владельцы американских колоний, родины негров, были долгое время единственными специалистами работорговцами, но затем все и остальные европейцы, увидев все выгоды такого рода торговли, в свою очередь, начали ею заниматься. Создается специальный невольничий флот, беспрестанно отыскивающий все новые и новые пункты сбыта драгоценного черного товара. Организовались крупные работорговческие компании, имевшие правительственное значение и конкурировавшие между собой; наконец, в царствование Людовика XIV, министром Колбером был издан, так называемый, «Черный Кодекс». — Торговля невольниками была официально легализована.

В начале XVIII века впервые поднялись одинокие голоса, все сильнее и сильнее протестовавшие в Европе против этой возмутительной торговли и, наконец, в 1815 г., на венском международном конгрессе была строго запрещена всякого рода продажа людей.

В Америке рабовладение было окончательно уничтожено в XIX веке, в итоге кровопролитной войны между южными и северными штатами, но, к сожалению, «культурные американцы» слишком глубоко впитали в свою плоть и кровь презрение и ненависть к неграм, чтобы одним приказом, не только юридически, но и фактически уничтожить все преграды, существовавшие между белой и черной расой.

Даже теперь, когда рабовладение перешло в область истории, в Америке еще резко чувствуется расовая разница и знаменитый, американцами созданный «Новый Черный Кодекс», действует и донныне.

***

Во время моего довольно долгого пребывания в южных штатах Северной Америки мне пришлось увидеть и пережить ряд эпизодов, оставивших в моей памяти неизгладимые следы.

Помню как сейчас... Я сидел в трамвае и мирно читал газету. На площадку трамвая вскакивает какой-то молодой, прилично одетый негр и трамвай двигается. Негр заглядывает внутрь вагона, таращит глаза, бледнеет (вернее, сереет) и начинает нерешительно топтаться на площадке с явным желанием выскочить из бешено несущегося трамвайного вагона.

В это время кондуктор вагона, мирно продававший билеты сидящей публике, замечает одиноко стоящего на площадке негра и неожиданно бросается в его направлении, неистово расталкивая все и вся, в то же время издавая нечленораздельный рев, в звуках которого мне удалось расслышать и понять:

«Грязная, черная собака! Как смел ты войти сюда? Вон, вон!!!»

Сидящая и стоящая в вагоне публика вместо того, чтобы возмутиться, в свою очередь, начала улюлюкать и хохотать.

«Так его, хорошенько его!!!»

Испуганный негр сделал движение, чтобы прыгнуть, но не решился и был на моих глазах схвачен за шиворот кондуктором, продолжавшим изрыгать самые разнообразные проклятия и, наконец, на полном ходу было попросту выброшен из трамвая. Через окно трамвайной площадки я успел заметить тело негра, оставшееся неподвижно лежать около трамвайных рельс.

Кондуктор вошел внутрь вагона и, не комментируя случившегося, продолжал мирно продавать билеты. Трамвай завернул за угол и остановился. Я обратил внимание, что вся публика продолжает читать газеты, как будто ничего особенного не произошло.

Возмущенный, я обратился к соседу за разъяснением. Мой сосед вытаращил на меня удивленные глаза и промолвил сквозь зубы:

— «Он негр и имеет право входа только в специальные вагоны».

Я был удовлетворен и больше уж ни о чем не расспрашивал.

В этот же день мне вновь пришлось увидеть такую же картину, с той лишь разницей, что вылетевший из вагона негр встал с мостовой и, покачиваясь, тихо куда-то побрел.

По обязанностям моей службы, мне неоднократно приходилось ездить в разные города на поездах.

В каждом вагоне каждый кондуктор, по старой традиции, вооружен револьвером. Прежде бывала масса ограблений. Ограбления кончились, но револьверы остались. Мне и здесь очень часто приходилось видеть, как нечаянно зашедший в поезд для белых негр вылетал на полном ходу: любопытно, что кондуктор в поездах не выбрасывает своих черных жертв из вагона, а только грозит им револьвером, и те под гикание и гомерический хохот публики предпочитают выпрыгнуть из поезда.

Что происходит с ними дальше, я не знаю, ибо самый медленный поезд в Америке делает более семидесяти километров в час.

Читая газеты, ежедневно насчитываешь до двадцати несчастий, переломов рук, ног и даже смертных случаев, при чем все пострадавшие обыкновенно негры.

***

Знаменитый «Черный Кодекс», ограничивающий права негров в Америке, существует там до сих пор, ибо никто никаким указом его еще не отменил. По смыслу этого кодекса, черный не имеет права жениться на белой женщине под страхом штрафа и длительного тюремного заключения. Ни в одном театре, за исключением тех, в которых негритянские труппы, негр не имеет права сидеть ниже второго, по нашему, яруса, ибо, как буквально говорит закон, «негр издает запах, нестерпимый для белого человека».

Ни в один ресторан, посещаемый белыми, негр не имеет доступа и, в довершение всего, для черных предназначены специальные вагоны и даже поезда.

Я, к сожалению, не запомнил всех ограничений кодекса, потому что их слишком много, но могу сказать только, что число ограничений достигает ста шестидесяти.

***

Суд состоялся скорый и милостивый: негра приговорили к пяти годам каторжных работ. Белый человек за то же преступление был бы приговорен к штрафу в один доллар, т.-е. два рубля или осужден на один день тюрьмы.

В том же Сан-Франциско совсем недавно негра, обвиненного в приставании к женщине, сожгли живьем, проделав предварительно вышеуказанную операцию. Тогда власти города, для проформы, предали зачинщиков позорного действия суду. Все виновные были оправданы, при криках ликования собравшейся публики, и чуть ли не были увенчаны за «гражданские доблести» лавровым венком.

***

Все, конечно, слышали о суде Линча и всем кажется невозможным в XX веке существование в культурной стране такого суда. Однако, все возможно у людей и ничему не следует удивляться.

По совершенно официальным и ежегодно публикуемым данным, в Америке погибает больше ста пятидесяти негров от знаменитого «мягкого» суда Линча, не считая жертв ежегодных погромов. А чтобы негры испытали это несчастье, достаточно только белому чемпиону быть побежденным в

боксе негром. Озверевшая толпа, разозленная и оскорбленная в своей национальной гордости физическим превосходством негра над белым, бесится и разносит в щепки весь негритянский квартал города, убивая все и вся на своем пути.

Погромы негров в Америке происходят, обыкновенно, раз по шести в год, по своей жестокости и раз-

меру превосходят даже бывшие еврейские погромы, имевшие место в бывшей царской России.

Вот почему американские негры должны вести совершенно обособленную от белых жизнь. Они имеют в городах свои специальные кварталы, свои церкви, своих врачей и так далее. Негры не смешиваются с белыми и являются бесправным элементом в «правовом государстве», провозглашающем направо и налево о своей хваленной культуре.

Пройдет еще очень много времени, чтобы у американцев произошел перелом в психологии и они поняли, наконец, что негры те же люди, но только другого цвета.

***

Самым большим и злым врагом негритянских народов всегда являлся мулат. Мулаты, смесь двух рас — белой и черной, приобрели от обеих национальностей почти исключительно одни дурные черты характера и ни одной хорошей. Они ленивы, трусливы, вороваты и к ним еще применимы целые томы эпитетов, от произнесения которых я воздерживаюсь, чтобы не оскорбить слух читателя.

Мулаты враги белых и черных. Они ненавидят белых и слепо завидуют им надеясь когда-либо сделаться похожими на них, и презирают черных так же, как презирает свой народ всякий ренегат.

Американский негр не имеет возможности получить какую-либо интеллигентную должность и не может, фактически, быть врачом или адвокатом, потому что ни один белый не воспользуется его услугами.

Если негр по счастливой случайности получит квартиру или комнату в доме, где живут белые, то можно с уверенностью утверждать, что не пройдет и недели, как даже беднейшие белые обитатели дома срочно покинут свои квартиры.

Волей неволей, поэтому, негры живут все вместе в специальных кварталах, в которых даже простое появление белого редкость, о которой негры будут долго между собой говорить.

***

В Сан-Франциско, в начале 1926 года, произошел следующий, отнюдь не редкий в летописи американской жизни, случай. Как-то негр в пьяном виде, проходя по улице, пристал к белой женщине и хотел ее поцеловать. Женщина подняла крик. Собралась большая толпа, которая не долго думая схватила негра, вымазала его дегтем, вываляла в перьях и в таком виде таскала за собой по городу весь день, а затем передала его в распоряжение властей.

Чтобы закончить свой очерк об американских неграх, мне необходимо сказать, несколько слов об их культуре. За годы, истекшие со времени «юридической» негритянской свободы, негры сделали чудеса в культурном отношении. У них есть совершенно неподражаемая, самобытная, звучная музыка, кстати сказать, ничего общего не имеющая с так-называемой негритянской музыкой, фокстротами и прочей мерзостью; к сожалению, европейцы о ней ничего не знают.

Они создали оригинальный театр со всеми его видами и разветвлениями. Мне удалось видеть много разных спектаклей, от которых не только я, простой смертный, пришел в восторг, но даже опытные знатоки восхищались им и совершенно беспристрастно его хвалили.

Имеется превосходный негритянский балет, правда, не похожий на наш, европейский, но без сомнения этот балет имеет крупные художественные достоинства. Почти всякий негр имеет врожденное чувство ритма и безукоризненный слух.

Я неоднократно читал и литературные произведения негритянских авторов, ни в чем не уступающих, по своим качествам, произведениям авторов—европейцев.

Черная адвокатура и медицина, к услугам которых прибегают только негры, ибо всякий белый американец счел бы для себя унижением обратиться к черному врачу или адвокату, стоит на должной высоте и, несмотря на

мое желание оправдать мнение белых, я не мог этого сделать. Между нынешним негром и белым нет разницы в духовном развитии.

***

Таинственная сила крови негра уже с давних пор интересует ученых — врачей всего мира.

Смешение двух рас белой и черной дает в результате мулата, который, в свою очередь, смешиваясь с белой, дает потомство все более и более светлое, при чем наступает момент, когда потомок является абсолютно белым с голубыми глазами и подчас бывает даже блондином.

Я лично считаю почти невозможным доказать негритянское происхождение такого продукта скрещения двух рас, но здесь, увы, происходит очень часто совершенно непонятное явление. Такой белый негр, ничем не отличающийся от настоящего белого, женится на представительнице белой расы и родители не могут быть уверены, что ребенок, родившийся от них, не будет черным, пречерным, как вакса.

Такие случаи наблюдались и наблюдаются неоднократно в Америке и по этому вопросу существует очень много литературы как медицинской, так и философской, которая, к сожалению, никак не может дать исчерпывающего объяснения таинственной силе негритянской крови.

Ю. Баратов.

КТО ИЗ ВАС СОВЕРШИЛ КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ?

НАША АНКЕТА.

Шум стоял в комнате оттого, что старик рассыльный, Прохоров, горячо спорил со своим племянником, корабельным поваром Дыркой, вчера только возвратившимся из кругосветного плавания.

— Ты, Илюша, не очень-то хвастай, что кругом света объехал, — кричал Прохоров. — Не твоя это заслуга! Вот что!

— А чья же, скажешь ты? Разве не я на «Красной Звезде» плавал?

— Да ведь сам ты, если правду говорить, вовсе даже и не двигался. Путешествовала «Красная Звезда», а не ты.

— А ты хотел бы, чтобы я вплавь весь кругляшок обошел? Так, что ли?

«Кругляшком» повар величал наш земной шар.

— В этом роде и хочу, — отвечал дядя. — Взгляни на меня: думаешь, я на своих ногах не обошел кругом света?

— Из Ленинграда весь век не выезжал, а кругом света обошел?

— Именно так! Из Ленинграда ни разу не выезжал, зато на собственных ногах столько прошагал, сколько хватило бы землю не один раз обойти. Сообрази: сколько километров имеет наш кругляшок в обхвате?

— Сорок тысяч. Мы на «Красной Звезде» побольше этого прошли.

— А я эти сорок тысяч километров не один даже раз прошагал. Слушай. Хожу я с пакетами по городу иной день пять часов, иной день — еще дольше, но уж никак не меньше четырех часов в сутки. На круг беру пять часов. Ходок я хороший: по шести километров в час шагаю. Сколько же я в день прохожу?

— Ну, пятью-шесть — тридцать. Где ж твое кругосветное путешествие?

— Погоди. Клади рабочих дней в году, для круглого счета, триста. Сколько, значит, я в год прохожу?

— 30 раз по 300... Выходит, что 9.000 километров.

— А теперь смекай. Если я в год прохожу 9.000 километров, то во сколько лет прохожу я 40.000? Ведь в 4½ года, так?

— Так, — неохотно согласился племянник.

— А служу я рассыльным 18 лет. Сколько же раз я кругом света обошел? А? Четыре раза! Уж кому хвастать, так мне: не шуточное дело четырежды кругом света на собственных шагах обойти!

— О чем спорите? — спросил вошедший в комнату свояк Прохорова Викентьев, наборщик в той типографии, где старик служил рассыльным.

— Ну, коли на то пошло, то и я, пожалуй, кругом света обошел.

— Ты-то? Не выходя из наборной?

— Очень просто! Только не ногами, а рукой. Вот эта моя правая рука успела уже обойти весь земной шар.

— Объясни толком, в каком смысле?

— Послушайте. За рабочий день набираю я 8.000 букв. А для каждой буквы рука моя проходит от наборной кассы к верстатке и обратно расстояние примерно в полметра. Давайте же считать: 8.000 раз дважды по-полметра составляет 8.000 метров или 8 километров. Это каждый день. Ведь правильно?

— Выходит, что так.

— В году буду считать 300 рабочих дней. Итого за один год рука моя проходит 8 на 300, т.-е. 2.400 километров. Поступили мы в типографию с тобою, старина, одновременно, — 18 лет назад. За это время рука моя прошла путь в 2.400 на 18 километров. Надо прикинуть на бумажке... Так и есть: получается 43.200 километров; а кругом света обойти — надо только 40.000 километров. Значит, и я от вас не отстал: также кругосветное путешествие сделал!

Оставьте теперь этих троих «путешественников» и подумайте о ваших собственных кругосветках, читатели. Ведь и среди вас, без сомнения, найдется не мало таких, которые в своей повседневной работе, за своим рабочим станком, успели совершить путешествие, не меньше кругосветного. Надо только подытожить те движения, которые вы делаете каждый день. Сообразите, подсчитайте, — и результаты своих выкладок, с надлежащими пояснениями, пришлите в редакцию журнала «Вокруг Света», чтобы мы могли рассказать на его страницах о вашем трудовом кругосветном путешествии и выяснить, кто из вас совершает его в самый короткий срок.

ЧТО ТАКОЕ ДВИГАТЕЛЬ ВНУТРЕННЕГО СГОРАНИЯ?

В больших городах каждый встречается ежедневно с целым рядом самодвижущихся экипажей, с разнообразными автомобилями и мотоциклами. Да и в наших селах теперь не редкость встретить на полях самодвижущийся трактор. Наконец, и на железных дорогах наш обычный паровоз уже заменяется более совершенным тепловозом.

Все эти самодвижущиеся машины (автомобили, тракторы, мотоциклы и тепловозы), несмотря на свой различный вид, имеют один и тот же механизм, приводящий их в движение. Этот механизм называется «двигателем внутреннего сгорания», которым уже давно пользуются также на речных и океанских пароходах, равно как на самолетах, с самого первого дня их появления на свет.

Что же представляет собой двигатель внутреннего сгорания, каково его устройство и как он работает?

Если мы возьмем обычный велосипед и вставим в его раму механический двигатель или мотор, чтобы возложить на него работу, которая производилась нашими ногами, то мы из велосипеда получим мотоцикл.

Уже один внешний вид велосипеда и мотоцикла указывает на их родственную близость, которая подтверждается еще и тем, что мотоцикл был рожден велосипедом. Правда, самодвижущийся потомок довольно скоро начал уже открещиваться от своего педального родителя. Главным виновником быстрого и решительного разрыва между велосипедом и мотоциклом является все тот же механический двигатель или мотор.

Правда, на первых порах мотоцикл сохранял еще унаследованные им от велосипеда колеса, раму, переднюю

ставными ногами. И удивляться этому совершенно не приходится. Ведь всего каких-нибудь пятнадцать лет отделяют нас от того времени, когда мотоциклетка в 3 лошадиных силы являлась в глазах спортсменов настолько мощной машиной, что управлять ею решался только опытный и хладнокровный ездок. В настоящее же время трехсильная мото-

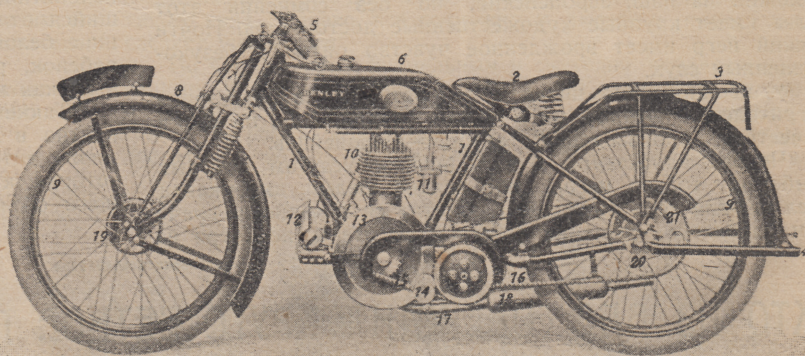

Рис. 2. — Устройство мотоцикла. Двигатель 10 перелает свое вращение цепью 15 и 16 шестерне заднего колеса 20. — Рама 1. — Передняя пружинная вилка 7. — Бак для бензина 6. Тормоза, передний и задний 19 и 21. — Обод колеса 9. — Маховик 13. — Педаль 14.

циклетка рекомендуется для езды дамам и подросткам, ибо ни у кого не возбуждает ныне ни удивления, ни страха и двух- или четырехцилиндровый двигатель в 10 лошадиных сил и больше.

ЭТОТ новый мощный двигатель переродил все составные части мотоцикла, совершенно преобразил его внешний вид и придал ему особый облик. Все подверглось коренным преобразованиям: усилили раму, чтобы приспособить ее к тяжеловесному мотору; увеличили размеры и крепость колесных ободов; поставили новую переднюю вилку; установили автомобильного типа тормоза и т. д., вплоть до седла, которое точно также не избежало общей участи и приняло совершенно новый вид. Наконец порвалось и последнее связующее звено: исчезли педали, как совершенно лишние и бесцельные при машине до 10 пудов.

Исправность двигателя стала отныне единственным условием езды. А потому с двигателя мы и начнем, ограничившись сначала общим схематическим наброском его устройства и действия.

Современный двигатель или мотор метко сравнивают с пушкой, в которой сила взрыва использована не для вылета ядра, а для движения мотора. Пушка заменена металлическими цилиндром Ц (рис. 3), место пороха занято газообразной смесью бензина и воздуха Б, а снарядом служит поршень П, который движется внутри цилиндра, плотно прилекая к стенкам.

Если головка цилиндра Г, т. е. находящаяся над поршнем его верхняя часть, наполнится взрывчатой смесью Б и как-нибудь воспламенится, то в результате получится взрыв. Этот взрыв всей своей силой обрушится на поршень и заставит его быстро опуститься, а вместе с поршнем опустится и соединенный с ним стальной стержень Ш, так называемый шатун. Своим верхним концом шатун подвижно

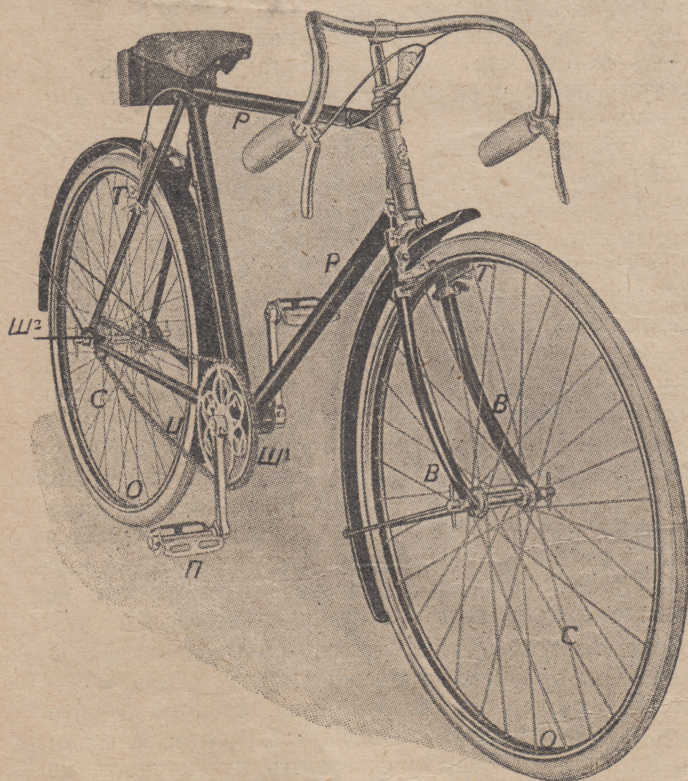

Рис. 1. — Механизм действия велосипеда. Нажимая на педали П, ездок вращает ногами зубчатое колесо, шестерню Ш¹. Вращение шестерни передается цепью Ц другой шестерне Ш², которая закреплена в втулке заднего колеса и заставляет его вращаться. Т — тормоза. В — передняя вилка. Р — рама. О — обод колеса. С — спицы.

и заднюю вилку, руль и т. д.; он удерживал вначале и педали, которые давали ездоку полную возможность одинаково пользоваться либо механическим двигателем, либо соб-

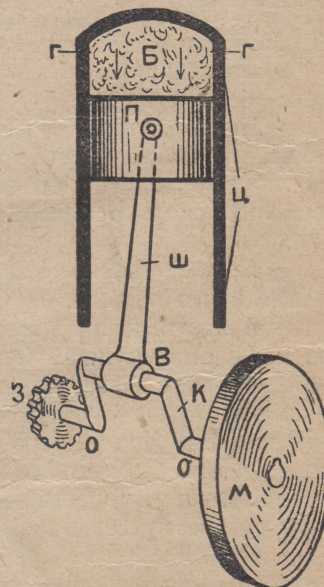

Рис. 3. Ц — цилиндр. Г — головка цилиндра. Б — газообразная смесь. П — поршень. Ш — шатун. ОВ — коленчатый вал. К — кривошип. ОО¹ — полуоси. М — маховик. З — зубчатое колесо.

соединен с поршнем, а нижним концом с коленчатым валом В. Этот коленчатый вал состоит из двух полуосей О и О' и изогнутого колена К, так наз. **кривошипа**. Понятно, что коленчатый вал В под давлением подвижно соединенного с ним шатуна Ш должен будет повернуться вокруг своей оси. В итоге прямолинейное движение поршня перешло в круговое или вращательное движение вала.

Обратите внимание, что с правой стороны на коленчатый вал насажено тяжелое чугунное колесо М, которое называется **маховиком**. Когда под давлением поршня придет в движение коленчатый вал, то вместе с ним начнет вращаться и маховик. Он приобретет еще некоторый разгон, который заставит его вертеться некоторое время и после того, как поршень дойдет до самого низу. Маховик сам стал теперь источником силы и толкает шатун вместе с поршнем обратно, заставляя их подниматься вверх.

Работа маховика в том и состоит, чтобы силой своего разгона гнать поршень вверх к головке цилиндра.

Теперь представим себе, что мы имеем полную возможность заряжать головку цилиндра горючей смесью и воспламенять или взрывать эту смесь всякий раз, когда поршень займет свое верхнее положение. Мы можем тогда заставить наш мотор или двигатель работать непрерывно. Он потому и назван двигателем внутреннего сгорания, что горючее топливо сгорает внутри самого цилиндра, а не в к.л. отдельной части.

Наш мотоцикл готов! Если мотор работает исправно, то остается лишь установить с левой стороны коленчатого вала (правая обычно занята маховиком!) зубчатое колесо или шестерню соединить ее цепью с другой шестерней на заднем колесе и... можем трогаться в дорогу. Но вся беда лишь в том, что именно работать исправно наш мотор еще не может. Мы зарядили его горючей смесью, взорвали ее и привели в движение коленчатый вал, но вторично зарядить его не в состоянии, так как не удалили из цилиндра оставшихся в нем продуктов сгорания, отработанных газов взорванной горючей смеси.

КАКИМ же образом заряжать нам цилиндр взрывчатой смесью, чтобы мотор работал непрерывно? Ясно, что в цилиндре должно быть какое-нибудь отверстие не только для его зарядки, но и для выброски сгоревшей смеси. Рис. 4 показывает нам, что в верхней части цилиндра, действительно, имеются два таких отверстия: одно из них А служит для **впуска** газообразного топлива, а другое В для **выпуска** продуктов сгорания, т.е. отработанных уже газов.

Оба отверстия снабжены клапанами К (рис. 4), которые открываются и закрываются в нужные моменты. Отверстие А соединено трубой с особым поставщиком взрывчатой смеси из бензина и воздуха, отверстие же В соединено с трубой, которая отводит наружу продукты сгорания.

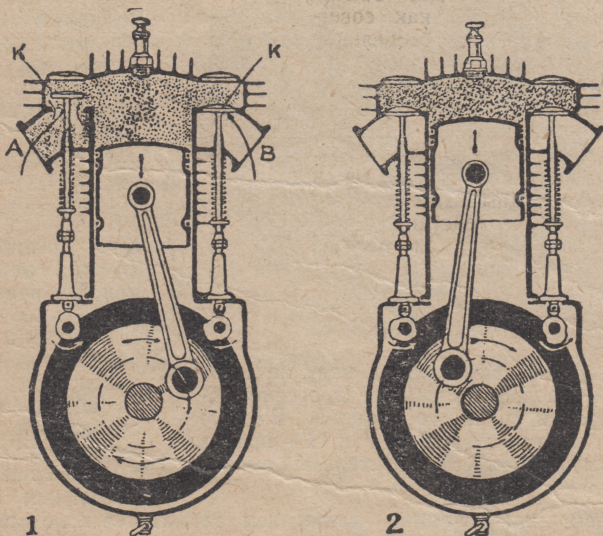

Рис. 4.

Ход сжатия.

Ход всасывания.

Если мы заставим теперь поршень опускаться, то в головке цилиндра, т.е. в его верхней части, опускание поршня начнет разрезать воздух. Как только это разрежение окажется достаточным, т.е. как только поршень успеет несколько опуститься, открывается впускной клапан и поршень начнет всасывать через отверстие А взрывчатую смесь, как обычный насос всасывает воду. В итоге весь

цилиндр заполнится газовой смесью, когда поршень дойдет до самого низа, т.е. достигнет своей нижней точки. (Рис. 4, I).

Итак, цилиндр у нас заряжен, но только стоит ли в данный момент производить выстрел, т.е. взрывать газовую смесь. Нет, не стоит. Наш выстрел пропал бы даром, так как поршень в этот момент находится внизу, а потому и неспособен произвести какую-нибудь работу (рис. 4, II). Словом, для успешного выстрела мы должны так повернуть дальше коленчатый вал, чтобы поршень вновь занял свое верхнее положение и одновременно сжал бы под крышкой цилиндра газовую смесь. А кстати позаботимся и о том чтобы впускной клапан был плотно закрыт и не пропускал бы взрываемой смеси.

Вот теперь самая пора для выстрела: цилиндр заряжен, оба клапана закрыты и поршень находится в самом верху. Сжатую газовую смесь мы взорвем искрой электрического тока, которая проводится внутрь цилиндра в нужный момент. Взорвавшись газам теперь некуда деться и они с силой обрушатся на поршень, заставив его поворачивать коленчатый вал вместе с насаженным на него маховиком (рис. 4, III).

Мы выстрелили из своего орудия и теперь должны вновь зарядить его. Новая же зарядка свежей взрывчатой

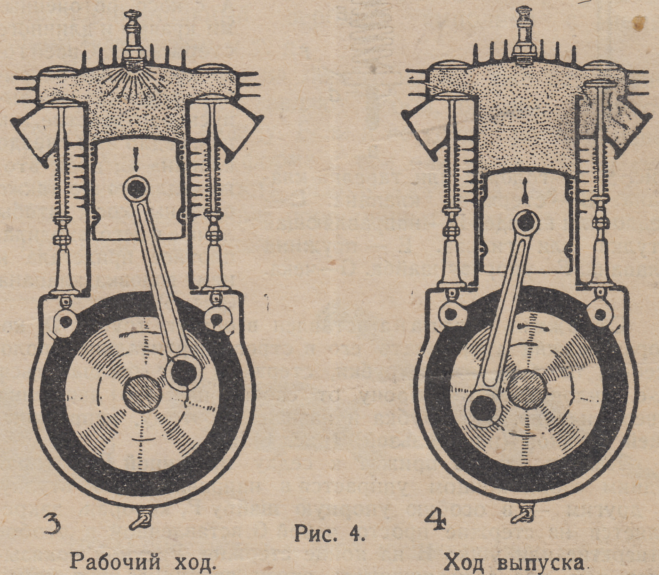

Рис. 4.

Рабочий ход.

Ход выпуска.

смесью возможна лишь после того, как мы очистим цилиндр от наполняющих его продуктов сгорания, т.е. откроем выпускной клапан. Тогда поднимающийся вверх поршень вытолкнет через отверстие В отработанные газы (рис. 4, IV). Подняться же поршень заставит маховик, который получил от взрыва такой разгон, что коленчатый вал вместе с поршнем может сам по себе повернуться несколько раз.

Итак, двигатель внутреннего сгорания сам prepares смесь, сам же сжимает ее и сжигает в своем же цилиндре.

В работе нашего мотора мы проследили четыре различных движения поршня, четыре его хода или такта, которые составляют полный кругооборот или **рабочий цикл**. Ясно, что в том же порядке или в той же последовательности пойдет и вся дальнейшая работа нашего двигателя или мотора: 1) поршень, разогнанный маховиком, опускается вниз и одновременно всасывает новый газовый заряд; 2) затем он по инерции, т.е. силой того же маховика, поднимается вверх и сжимает у головки цилиндра горючую смесь; 3) происходит взрыв и поршень бросается вниз, заставляя вращаться коленчатый вал с его маховиком; 4) разогнанный маховик вновь поднимает поршень, который и выталкивает бесполезные продукты сгорания, отработанные газы.

Так как наш двигатель работает в четыре «хода» или «такта», подвергая газообразную смесь четырем главным изменениям, то он и назван был **«четырёхтактным»**. Напомним, что один лишь третий ход из всех четырех ходов поршня является **рабочим ходом**, т.е. вращает коленчатый вал, остальные же три хода или такта заведуют только всасыванием, сжатием и выпуском газообразной смеси.

Сколько же раз повернется коленчатый вал за время всех четырех ходов поршня? Ясно, что два раза.

Первый такт — всасывание рабочей смеси } Первый оборот вала.
 Второй такт — сжатие рабочей смеси }
 Третий такт — взрыв рабочей смеси } Второй оборот вала
 Четвертый такт — выпуск продуктов сгорания }

Таким образом, каждый ход поршня соответствует одному полуобороту вала, а за время своего полного оборота поршень успеет сделать два хода, т.е. опуститься и подняться.

В четырехтактных двигателях выполнение одного рабочего цикла требует четырех ходов поршня или двух оборотов вала.

Уже первое общее знакомство с работой двигателя ясно показывает нам, какую огромную роль играют в ней клапаны, находящиеся в головке цилиндра. Именно они доставляют в нужный момент горючее топливо и они же своевременно удаляют продукты его сгорания. Вы-

пускной или впускной клапан одинаков по своему устройству с клапаном всасывающим. Клапан состоит из грибовидной головки или тарелки А с косо обточенными краями и длинного стержня В. Своей головкой клапан закрывает впускное или выпускное отверстие, так наз. седло или гнездо клапана С; края этого седла точно также срезаны косо, чтобы лучше в него входила, плотнее прилегала к нему головка клапана (рис. 5).

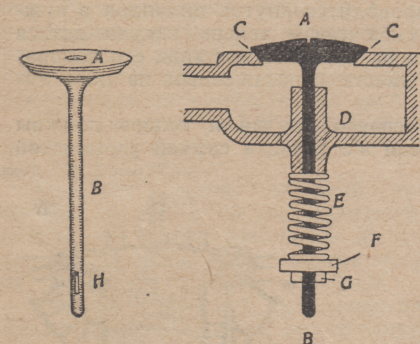

Рис. 5. А — головка или тарелка клапана. В — стержень клапана. С — седло или гнездо. D — направляющая втулка или гильза. Е — пружина клапана. F — упорная шайба. G — чека.

Стержень клапана вставлен в особую трубку D, которая должна удерживать его в строго вертикальном положении; не будь этой трубки, стержень мог бы шататься, т.е. уклоняться в сторону от своего прямого движения вверх и вниз. Эта трубка и названа, поэтому, направляющей втулкой (или гильзой) (рис. 6).

Клапан плотно прижат к седлу пружиной Е, которая одним своим концом упирается в направляющую втулку, а другим — в особую упорную шайбу F, которая закрепляется на стержне просто чекой G, вставленной в особое отверстие или ушко Н на конце стержня. Рисунок показывает нам, что если нажимать снизу вверх на этот конец стержня, то головка клапана поднимется и откроет доступ

либо свежей, либо отработанной газовой смеси. А прекратится нажим, пружина снова вернет клапан на его прежнее место и закроет отверстие.

Оба клапана открываются не сами по себе, а с помощью особых толкателей, на стержнях.

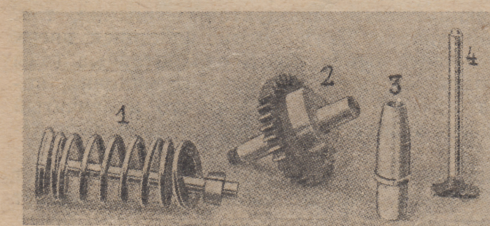

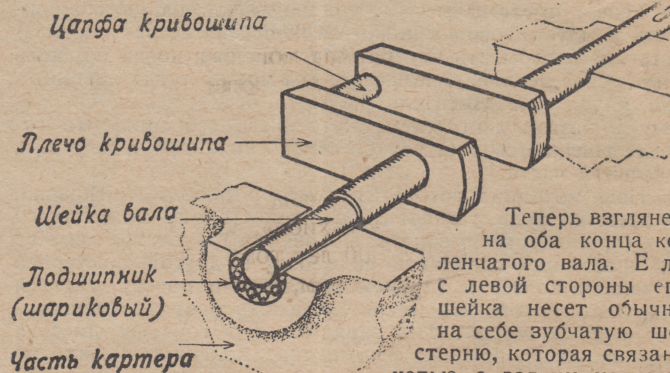
Рис. 6. 1 — стержень клапана с пружиной. 2 — шестерня с кулачком. 3 — направляющая гильза или втулка. 4 — толкатель.

которые как раз и опираются концы обоих клапанов. Словом, когда толкатель начнет подниматься и будет нажимать на конец стержня, то он сожмет пружину и заставит клапан открываться. Когда же толкатель опустится вниз, пружина распрямится и снова прижмет головку клапана к седлу.

Что же управляет, наконец, этими толкателями, а потому и движением обоих клапанов, один из которых заводит подачей горючей смеси, а другой — удалением продуктов ее сгорания? Заводят толкателями, а следовательно, и своевременным открыванием и закрыванием клапанов, особый «распределительный» механизм. Устройство и действие этого механизма станут понятны для нас лишь после некоторых предварительных сведений о картере и заключенном в нем коленчатом вале.

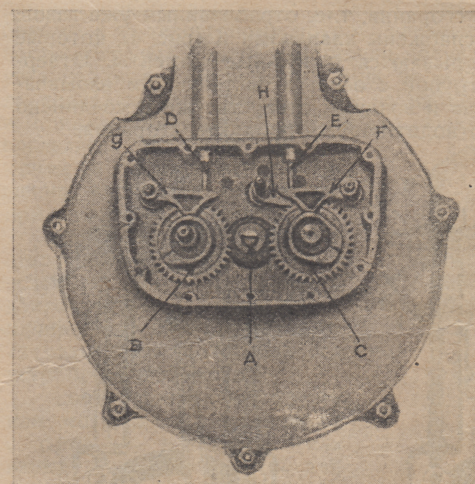
Итак, что представляет собой этот картер? Все внутренние части двигателя (поршень, шатун, вал) нуждаются в защите от пыли, грязи, дождя и т. д.; эти рабочие части

требуют также постоянной смазки. Картер и является общей для всех рабочих частей двигателя защитной крышкой. Круглая металлическая коробка, вмещающая в себе все внутренние части мотора — вот что такое картер. Предположим, мы пустили в ход наш мотор. Поршень будет давить на шатун, шатун начнет вращать коленчатый вал и одновременно своей головкой разбрызгивать на рабочие части масло, налитое в нижнюю часть картера. Но коленчатый вал держится, конечно, не поршнем, которым он приводится только в движение. Где же точки опоры всего коленчатого вала, на чем он стоит или держится во время своей работы? У вала имеются особые шейки, являющиеся продолжением его полуосей. Эти шейки и вставляются в стенки картера, который держит, таким образом, весь коленчатый вал, является для него единственной опорой (рис. 7). В картере же оставляются сверху особые прорезы, через которые проходят клапанные толкатели.

Теперь взглянем на оба конца коленчатого вала. Если с левой стороны его шейка несет обычно на себе зубчатую шестерню, которая связана цепью с задним колесом, то на правой стороне коленчатый вал своим вращением приводит в движение еще две зубчатых шестеренки. Эти шестерни, вместе с концом самого вала, находятся в не большой плоской коробке, на правой стороне картера. Если мы снимем крышку этой коробки, то увидим, что на конце вала закреплена и вместе с ним вращается средняя шестерня А. Этой зубчатой шестерней коленчатый вал

приводит в движение две другие шестерни В и С. Заметим, что на каждой шестерне имеется особый выступ, так называемый «кулачок». Вращаясь вместе с шестернями, кулачки при каждом своем обороте будут своим выступами встречаться с выходящими здесь концами толкателей Д или Е и приподнимать их.

А — средняя шестерня на валу мотора. В и С — распределительные шестерни. Д — толкатель впускного клапана. Е — толкатель выпуск. клапана. F и G — промежуточные рычажки. Н — дроссельный рычажок.

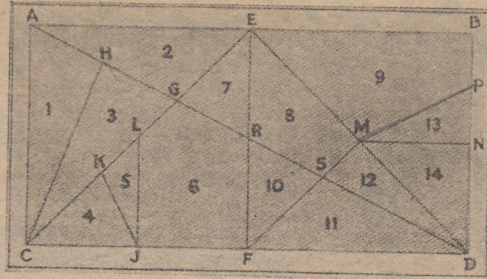
Вот мы и добрались, наконец, до ответа на давно поставленный нами вопрос: что такое распределительный механизм, управляющий движением толкателей, которые, в свою очередь, заведуют приподниманием и опусканием клапанных стержней. Теперь вы видите, что движение клапанов в конечном счете определяется движением коленчатого вала, который заставляет каждую вращаемую им боковую шестеренку нажимать с помощью кулачка на конец толкателя, а тем самым приподнимать и стержень клапана, вплотную примыкающего своим нижним концом к верхнему концу толкателя. Таким образом, каждый клапан открывается и закрывается всегда в один и тот же, строго определенный момент

НОВЫЕ ЗАДАЧИ АРХИМЕДА

Кулачный боец.

Линии AG, CF, CG, ED, BD для получения точек H, J, K, M, N. Начертите CH, JK, FM, MN. Теперь разделите KG и BN, взяв точки L и P. Проведением линий JL и MP чертёж закончен. Занумеруйте все четырнадцать частей, как показано на рисунке, и приступите к их складыванию.

Конькобежец.

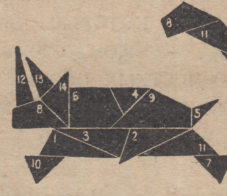
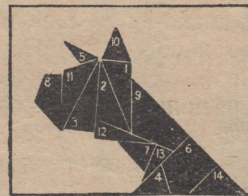
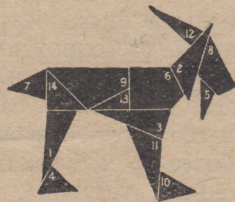
Если бы старый Архимед мог воскреснуть на-время и из своих родных Сиракуз попасть в современный мир и полюбоваться на свое изобретение, то он, несомненно, был бы поражен популярностью и блестящим выполнением своих задач.

В прошлом номере журнала мы приводили подробное описание игры «Стомахион», изобретенной знаменитым математиком 2.000 лет тому назад. Руководство к игре, данное самим автором, было недавно найдено на листах древнего пергамента.

Мы дали также образцы различных фигур, сложенных из 14 кусочков любого твердого материала (напр. картона), составляющих игру. Читателям предлагалось

естественно, напр., фигура воющей собаки, вы почти слышите ее вой. Обратите внимание на удачно пригнанные части жизненной фигуры. Чрезвычайно удачна также фигура быстро убегающего носорога, Строго пропорциональный верблюд выполнен с наименьшим искусством и т. д.

Как ни просты на первый взгляд уже законченные фигуры, они представляют собой, однако, достаточно головоломную задачу. Если и не трудно достичь известного сходства по форме с тем или иным живым существом, вся сложность задачи состоит в том, чтобы соблюсти естественные пропорции и выразить определенную идею или движение.

живо и естественно изобразить фигуры различных животных. На этот раз задача состоит в том, чтобы создать человеческие фигуры, а также и фигуры животных в связи со спортом или атлетикой. Это дало бы возможность придать изображаемым фигурам больше жизни и движения. Для удобства читателей мы повторяем вкратце правила игры и даем диаграмму, при помощи которой каждый может ее смастерить.

«Стомахион» открывает широкое поле для упражнения и выявления творческих способностей. Несомненно, что вы и сами не удовлетворились бы изображением деревянных безжизненных фигур, каково бы ни было их сходство с человеком или животным. Чтобы усвоить идею задания, присмотритесь внимательно к лучшим образцам, которые мы здесь приводим. Как

Чтобы приступить к игре, нужно прежде всего вырезать из любого твердого материала четырнадцать кусочков, согласно приведенной здесь диаграмме.

Начертите прямоугольник с высотой вдвое большей основания на листе картона или тонкой деревянной доске. Далее, согласно линиям приведенной здесь диаграммы, проведите линии EF, AD, CE, ED. Затем, разделив указанные линии, вырежьте из них нужные части игры и начните их складывать вместе.

Куски или части могут быть сложены в любом положении, даже оборотной стороной вверх, при условии, не изменять их размеров и форм. Обязательно использовать все 14 кусков для каждой фигуры. Добивайтесь оригинальности, жизненности и характерности в изображениях фигур.

Итак, составьте сами человеческие фигуры.

Воющий пес

Верблюд

„ЖИВАЯ ЦЕПЬ“.

Редакция ежедневно получает массу писем и открыток все о той же «Живой цепи». Некоторые очень недовольны теми ограничениями, которые поставила этому конкурсу редакция. «Вы меняете условия, вы делаете конкурс невозможным!» — заявляют люди горячего темперамента. Объяснимся.

Мы ввели два главных ограничения: во первых, не вводить простейших животных и животных, давно исчезнувших с лица земли, во вторых, не включать таких местных названий, которые известны только узкому кругу людей. Какой же смысл имеют эти ограничения? — Сделать конкурс доступным возможно большому числу читателей нашего журнала — вот смысл этих ограничений. Если же редакция обошлась бы без них, то сделала конкурс доступным одним ученым специалистам зоологам, которые знают досконально весь животный мир, во всем его объеме и со всем богатством его чисто-местных обозначений.

Введенные нами ограничения значительно расширяют круг лиц, которые могут принять удачное участие в нашей «Живой цепи».

Одновременно с понятными недоумениями, которые редакция старается разъяснять, ежедневно приходится встречаться с вопросами, которые заставляют недоумеваяще пожимать плечами.

«Если я напишу «обезьяна» — сообщает, напр., один наш читатель — то не могу уже употреблять слов «горилла», «макака» и т. д., так как это тоже обезьяна». — Откуда вы взяли, дорогой читатель, такие ограничения? Вы их, ведь, из пальца высосали!

Одно дело не употреблять одного и того же названия дважды в мужском и женском роде (напр., лось и лосиха, медведь и медведица) и совсем другое — выключать различные названия одной и той же породы животных, в нашем случае обезьян. Такого ограничения мы не вводим в наш конкурс.

Теперь спрашивается, что нужно разуместь под узкими, чисто местными названиями. Возьмем простой пример. Наш обычный, всем известный окунь, имеет у нас в России более 30 различных местных названий. Напр., два разных названий в Карелии, три в Восточной Сибири, четыре на Кавказе и т. д. Так вот эти чисто местные названия и были выключены из цепи. Чисто же научные названия безусловно включаются.

Еще несколько частных объяснений.

1) Пользоваться всевозможными энциклопедиями, зоологическими руководствами и трудами (напр., Брэмом) — безусловно можно.

2) Можно и все слово включать в цепь, если оно включает не более трех букв, напр., лев и левретка.

3) «Вол», «бык», «теленек», так же включаются, как и «шмель», «пчела», «оса». Это разновидности одного животного.

ВСЕМ УЧАСТНИКАМ КОНКУРСА.

Помните, что 10-го мая вы должны выслать свои решения с мест своего жительства. Это последний срок.

Оставшимся временем можете воспользоваться для присылки своей новой цепи взамен присланной.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ В № 5

Чемпионы-спортсмены.

Самому юному из членов должно быть 13 лет, старшему 17; таким образом 16-летний чемпион Снебби обозначен номером 7.

О часах.

Начиная с полудня часовые стрелки впервые будут выравнены в одну линию в 12 час. 32 мин. $43\frac{7}{11}$ сек. Минутная стрелка пройдет 60 минут пока стрелки вновь не расположатся по прямой линии. Минутная стрелка ежеминутно указывает $\frac{11}{12}$ минуты. Поэтому, мы делим 60 на $\frac{11}{12}$ и узнаем, что по истечении 1 ч. 5 м. $27\frac{3}{11}$ сек. получится прямое положение стрелок.

То есть, в последовательном порядке, стрелки образуют прямую линию в 1 ч. 38 м. $10\frac{10}{11}$ сек., в 2 ч. 43 м. $38\frac{2}{11}$ с., 3 ч. 49 м. $5\frac{5}{11}$ с., 4 ч. 54 м. $32\frac{8}{11}$ с., 6 ч., 7 ч. 5 м. $27\frac{3}{11}$ с., 8 ч. 10 м. $54\frac{6}{11}$ с., 9 ч. 16 м. $21\frac{9}{11}$ с., 10 ч. 21 м. $49\frac{1}{11}$ с., 11 ч. 27 м. $16\frac{4}{11}$ с. Вот когда обе стрелки составят прямую

линию, пересекающую циферблат. Единственным временем, когда направление больших стрелок совпадет с направлением секундной стрелки, будет 10 ч. 21 м. $49\frac{1}{11}$ с.

Участок земли.

Участок каждого сына состоит из трех одинаковых квадратов. Умножив 3×4 , мы убедимся, что 12 малых квадратов составят площадь всего участка. Протяжение всех внешних границ последнего в 16 раз длиннее стороны одного квадрата, а внутренние его границы в 8 раз превышают длину одной из сторон квадрата. Таким образом, длина изгороди, составляющей внешние и внутренние границы участка, равна 24-кратной длине стороны одного квадрата.

Принимая, что сторона одного квадрата равна X милям, мы из условия задачи составляем уравнение: $12 X^2 = 24 X$ или $X = 2$. Получается площадь в 4 квадратных мили на один квадрат, а весь участок будет равен 48 квадратным милям, что соответствует числу линейных миль при обходе всех границ участка.

Ответ на «Ромашку» в № 7.

ПЕРВЫЙ РОЗЫГРЫШ ПРЕМИЙ ЖУРНАЛА „ВОКРУГ СВЕТА“

Состоится 8 мая в 2 часа дня

Ленинград, клуб имени Володарского, Чернышев пер., д. № 3.

На розыгрыш приглашаются все подписчики и читатели журнала.

Кто не получил с № 5 билета на участие в розыгрыше, немедленно сообщайте по адресу: Ленинград, Фонтанка, 57. „Вокруг Света“.

Во избежание всяких злоупотреблений с билетами на розыгрыш премий, изд-во повторило номер каждого билета на самом журнале. Если нет в пятом номере журнала вклеенного билета, номер его повторно указан на обложке.

САМОУЧИТЕЛЬ РЕМЕСЛ И ПРОИЗВОДСТВ

Мыловаренное произв. — 1 р. 40 к. Крахмальное производство—60 к. Столярное ремесло с 116 рис. 80 к. Набивка чучел зверей и птиц с 30 рис. 80 к. Починка резинов. га-лош, шин и мячей—60 к. Произв. щеток с 62 рис.—50 к. Пригот. мездрового и костяного клея, и желатины с 16 рис.—70 к. Окраска кож Лейхмана—50 к. Берестяное произв. с 22 рис.—35 к. Выбелка кроличьих шкурок с рис.—50 к. Мягкая игрушка из ткани, с 21 рис., таблицами и выкрой-ками—1 р. Работы из рога и копыта—35 к. Работы из папье-маше—50 к. Зеркальное произв. Наводка зеркал куст. спо-собом—80 к. Как проводить электр. звонки, с 21 рис.—45 к. Как самому переплетать книги, с 81 рис.—55 к. Как делать куст. игрушки, с 36 рис.—45 к. Как шить обувь, с 90 рис.—70 коп. Колесная мазь произв.—75 к. Произв. ваксы и мази для обуви—45 к. Электродвигатели и их примен., с 54 рис.—70 к. Кровельное дело, с 133 рис.—1 р. 25 к. Постройка лет-них и зимних домов, с атласом, 20 табл., 127 рис.—1 р. 50 к. Плотник-строитель, с 69 рис.—40 к. Дер. слесарь, с 37 рис.—30 к. Дер. жестяник, с 8 рис.—30 к. Произв. лаков и олифы—90 коп. Как самому делать прочн. сандалии, с 19 рис.—40 к. Малярное дело—45 к. Гальванопластика и гальвано-стегия, с 26 рис.—50 к. Домашн. приг. сахара, 2 брош.—55 к. Трикотажно-чулочное пр. на машине, с 44 рис.—1 р. 55 к. Токарь по дереву, с 46 рис.—80 к. Токарь по металлу, с 92 рис.—75 к. Химическое окрашив. и лакиров. металлов, с рис.—65 к. Паяние и лужение, с 21 рис.—40 к. Соби-р. лекарств. трав, с таблиц. в красках—1 р. Цены указаны с пе-ресылкой. Налож. плат. на 10 к. дорож. Небольшие суммы просим высылать вперед, можно марками. Новый каталог на 1927 г., 96 стр., более 2.400 назв., высылается за 30 к. мар-ками. Требования адресовать в Ленинград, Ново-Алексан-дровский рынок, № 93, книжному магазину М. П. Петрова (б. стар. фирма А. Сухова).

Подыскиваем и выслаем по требованиям заказч. все книги по ремесл., популярн. технике, электротехнике и хи-мической технологии. На запросы прилагать марки.

ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ!

Обязательно указывайте, во избежание путаницы, являетесь ли вы подписчиком новым или же только продолжаете свою старую подписку

НА ЖУРНАЛ

„ВОКРУГ СВЕТА“

Несвоевременный выход журнала „ВОКРУГ СВЕТА“ вызвал целый ряд запросов со стороны подписчиков, кото-рым мы считаем необходимым дать следующие разъяснения:

1) Подписчикам, подписавшимся в октябре, ноябре и декабре и внесшим подписную плату в размере 40 или 50 копеек, разосланы №№ 1 и 2 журнала.

2) Некоторые одновременно подписывались на ноябрь и декабрь 1926 г. а также и на 1927 год (на несколько месяцев). Эти подписчики уже получили №№ 1 и 2 журнала, остальные же номера будут получать в зависимости от досланной ими суммы (сверх 40 или 50 коп.). Рекомендуется досылать деньги так, чтобы получалась подписка на 3, 6 или 12 месяцев.

3) Подписчики, переславшие подписную плату и пересылающие ее теперь без указания срока, с какого числа они подписываются, зачисляются подписчиками с 1 января и им досылаются №№ 1 и 2. В дальнейшем они получают журнал в зависимости от срока, на который они подписались, из расчета двух номеров в месяц.

4) Каждый, приславший подписную плату только на один месяц, т. е. 40 коп., получает два очередных номера, независимо от того с какого месяца он указывает подписку.

5) Каждому, приславшему подписную плату с указанием, что подписка производится с января 1927 года, высылаются все вышедшие номера.

6) Условия розыгрыша, порядок и сроки его, разъяснения о приложениях опубликованы в № 2 журнала „ВОКРУГ СВЕТА“. Разъяснения даются и по запросам читателей.

7) Первый номер приложен я „По суше, морю и воздуху“ выходит с 4-м номером.

8) Журнал будет выпускаться с таким расчетом, чтобы к 1-му июня дать 10 №№, т. е. из расчета два №№ в месяц,—считая с 1 января 1927 года.

Издательство „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

В ПЕРВЫХ ЧИСЛАХ МАЯ!

В ПЕРВЫХ ЧИСЛАХ МАЯ!

Рассылается всем подписчикам и поступает во все киоски

== для розничной продажи ==

СПЕЦИАЛЬНЫЙ НОМЕР

„ЮНОГО ПРОЛЕТАРИЯ“

ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛЕТНЕМУ ОТДЫХУ, КУРОРТАМ, САНАТОРИЯМ, ДОМАМ ОТДЫХА И ПРОЛЕТАРСКОМУ ТУРИЗМУ

В НОМЕРЕ МАССА СТАТЕЙ, ОЧЕРКОВ, РИСУНКОВ И ФОТОГРАФИЙ

== ПУТЕШЕСТВИЕ В НАЗИЮ ==

КАК ПРОВЕСТИ СВОЙ ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ || ИСКУССТВО ПУТЕШЕСТВОВАТЬ
ОЧЕРЕДНОЙ ОТПУСК (очерк о немецких путешественниках)

МОЛОДЫЕ ТУРИСТЫ—В ПОХОД! КУДА ИДУТ В ЭТО ЛЕТО ГРУППЫ
МОЛОДЫХ ТУРИСТОВ
(Очерк с красочными иллюстрациями)

== КРАСОТЫ КАВКАЗА ==

В ПОМОЩЬ ТУРИСТУ:

Как устроить дорожную аптечку. Как сделать самому дорожные карманные шахматы. Как обеспечить себе покупку во время железнодорожного билета. Общий порядок на железных дорогах по отправке курортников и туристов.

**ЧЕРЕЗ ЛЕСА, ГОРЫ И ОЗЕРА (ТУРИСТСКИЙ СПОРТ — КРОСС КОУНТРИ)-
ВЕЛОСИПЕДИСТ ЗА ГОРОДОМ (КАК СОВЕРШАТЬ ПРОГУЛКУ НА ВЕЛОСИПЕДЕ).**

В номере несколько воспоминаний о прошлогодних прогулках и путешествиях молодых туристов

Их опыт пригодится для вашей группы в этом году.

Красочная обложка художника ИКАРА.

В издательстве „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“
принимаются предварительные заказы
на курортно-туристский № (5) „ЮНОГО
ПРОЛЕТАРИЯ“.

ЗАКАЗЫ АДРЕСОВАТЬ: Ленинград, Фонтанка, 57,
„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

Цена номера — 15 коп.

**В ЭТОМ ЖЕ НОМЕРЕ
„ЮНОГО ПРОЛЕТАРИЯ“
ОТКРЫВАЕТСЯ ДИСКУССИЯ**

по рассказу Е. Юкона

„ПИСЬМО К ТОВАРИЩУ“
шлите отклики, письма, протоколы и
решения проведенных у вас диспутов.

За настоящим номером высылается подписчикам: Г. УЭЛЛС. — „Рассказы о необычайном“

О премиях см. на третьей странице обложки.